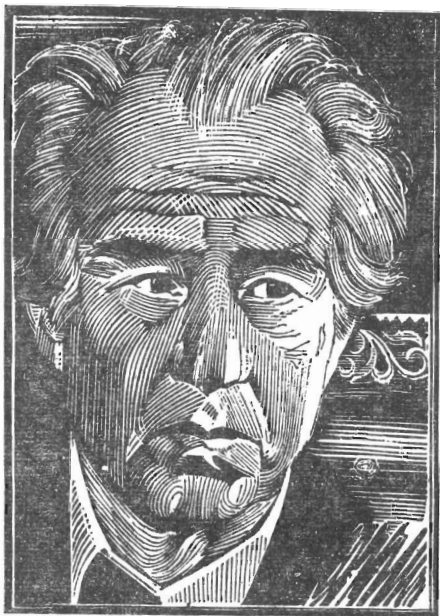

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

Человек

•
**В МОЛОДЫЕ
ГОДЫ**
•

ВАСИЛИЙ
ФЕДОРОВ

Человек

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

ББК 84Р7
Ф 33

Вступительная статья
М. ЧИСЛОВА

Составление
Л. ФЕДОРОВОЙ

Ф $\frac{4702010202-045}{078(02)-89}$ 210-89

ISBN 5-235-00533-3

© Издательство
«Молодая гвардия»,
1989 г.

«ЖАЖДА ВСЕ ОДОЛЕВАТЬ...»

Василий Дмитриевич Федоров — признанный виртуоз стиха. Мастер, будто и не знавший технических трудностей в работе над словом. В старые времена было принято общаться с помощью стихотворных посланий друзьям, знакомым; экспромты, шутки, эпиграммы заполняли домашние альбомы. Это было нормально, естественно, обиходно.

В наше время такой способ общения остался уделом немногих. К их числу относился и Василий Дмитриевич Федоров. Он любил прибегать к стихотворному посланию при общении с друзьями. Даже на сугубо деловые темы писал удивительные поэтические тексты. Собственно, под его пером они становились произведениями искусства, настоящей полнокровной поэзией.

Виртуозом в работе над словом считался среди поэтов и покойный Николай Глазков. Авторитет его был непререкаем. Помнится такой случай. Василий Федоров, только закончивший свой дерзкий роман в стихах «Женитьба Дон Жуана», жаждал услышать по поводу своего произведения чье-нибудь компетентное суждение. Дал почтить старому приятелю Николаю Глазкову. Николай Иванович высказался в стихотворной форме, заострил внимание на проанализмах романа. Чувствовалось, что новая работа Василия Федорова не легла, что называется, на душу. В ответ на критику Василий Федоров написал своеобразную антикритику — блестящий сонет с разбором и опровержением аргументов своего оппонента, с объяснением замысла и сути произведения. Так в виде своеобразной игры общались настоящие поэты. Их стихотворческая тренированность, культура стиха были столь велики, что пот труда совершенно не ощущался. Несознаваемая естественность поэтической речи была следствием внимательнейшего и доскональнейшего штудирования поэтических произведений русской и зарубежной классики, результатом собственных, часто лабораторных, поэтических проб и опытов, начатых еще на заре туманной юности. Достаточно долгую поэтическую жизнь Василия Федорова постоянно сопровождала «жажда все одолевать...». Он воспринимал жизнь как преодоление сопротивления темного косного бесформенного материала, в который ему великой нашей поэтической классикой завещано внести ясность и гармонию.

Важно отметить, что поэтическая ясность и гармоничность —

врожденные свойства дарования Василия Федорова. По восприимчивости жизни и поэтическому чувству он близок Сергею Есенину. Но как в том, так и в других случаях нужно, думается, иметь в виду следующее. Про Есенина даже люди, признававшие очевидные достоинства его поэзии, говорили, что он словно некий орган природы, бессознательно выдыхающий ее бесхитростные мелодии.

Предельная искренность и простота мешали таким читателям увидеть богатство интеллектуальной и духовной жизни, запечатленное в стихах поэта. Лишь впоследствии стало ясно, что лирика и эпика Сергея Есенина пронизаны токами большой интеллектуальной традиции, что он смог совершить своего рода поэтический подвиг — демократизировать по сути элитарный духовный и интеллектуальный процесс, приобщить к нему миллионы. Не орган природы и Василий Федоров, хотя обстоятельства жизненного пути толкают многих воспринимать его поэзию лишь в контексте биографии деревенского мальчишки, фабричного подростка, уральского интеллигентного сына.

Но у Василия Федорова с самого начала личной биографией была история своей великой страны, духовная культура всех стран и народов.

Важно подчеркнуть именно эту особенность поэтического облика поэта. Хотя, конечно, ранние стихи более предметны и зримы, больше заполнены приметами личной жизни, чем стихи зрелого возраста.

Всегда интересно почитать ранние стихи больших поэтов.

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевать
Прошел все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.

Кого в начале творческого пути не мучит жажда самоутверждения?! «Жажда все одолевать», себя показать, выделиться — это так понятно, так естественно. И раньше, и в особенности теперь в поэтическом поведении молодых мы можем найти тому немало подтверждений. Но всего лишь немногие сразу, с самого начала эту «жажду все одолевать» подчиняют более властному и гуманистически богатому чувству — «человеком стать». Становление поэтической личности у Василия Федорова осуществлялось как становление личности.

А ведь он очень резко индивидуален, своеобразен и творчески независим. Конечно, к Есенину близок.

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зеленых пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

Он и внешне был похож на Есенина, особенно в молодом возрасте. И природу сельскую безмерно любил. Отовсюду стремился поскорее вернуться под Кемерово в свою родную Марьевку.

Говорят, чтобы понять душу поэта, надо побывать у него на родине. Я был в Марьевке зимой, в тишину и безлюдье. Простая сибирская изба почти на краю крутого обрыва, шаткая изгородь, предохраняющая от падения, далеко внизу замерзшая река Яя. И огромный, оглушающий до звона в ушах, простор кругом. Этим гулом и печалью вечного простора заполнена поэзия Василия Федорова.

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших селлах.

Какие чистые по чувству, естественные по интонации, простые и близкие строки, с которыми впоследствии будут не раз переключаться стихи Николая Рубцова.

Так не хочется ставить точку, лишая себя и других радости вести строки дальше.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли — спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось все
В сознании моем:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и края.
На родине моей

Повыпали снега,
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

Ясно, что Есенин в своих стихах целиком отдавался чувству, растворялся в нем. Ему не свойственна рефлексия, которую мы ощущаем в этом стихотворении, особенно в строках: «...сместилось все в сознании моем...» Но ведь рефлексия здесь стихотворению не мешает. Она — особенность лирического строя души Василия Федорова. Рефлексия потом у него проявится и иронией, и афористичной сентенцией. Словом, в лирике Василия Федорова присутствует, но не мешает ей, рациональный элемент. Это его «федоровская» особенность, без которой трудно было бы представить появление его знаменитых поэм — «Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон Жуана». Поэтным дыханием наполнены и ранние, представленные в этом сборнике лирические произведения крупной формы — «Лирическая трилогия» и «Далекая». В них, отметим, ощутима переключка с лирическими поэмами Вл. Маяковского.

Долгое время успехи нашей поэзии были связаны с прямым, открытым выражением поэтами своих гражданских чувств. Сейчас такая поэзия, не переставая волновать умы и сердца, вместе с тем справедливо воспринимается как некая разновидность стихотворной беллетристики, скользящей по поверхности духовного опыта. Василий Федоров не пренебрегал беллетристкой, умело пользовался ее несомненными достоинствами, но и твердо осознавал ограниченность такой поэзии. Он изначально устремлялся в глубь вещей и явлений, стремился проникать под покровы жизни.

В ранних поэтических опытах молодые таланты подстерегают многие опасности. Часто современные молодые страшно боятся быть в стихах самими собой, всячески избегают самих себя, камуфлируются, и потому им, как правило, плохо удается лирика, интереснее выглядят опыты в менее открытых формах, где большую роль играют культура, образованность. Но бывает и наоборот — происходит самообнажение до неприличия, вытекающее из ложных представлений, что только таким образом реализуется лирическая духовная сущность. В результате же читателю приходится встречаться с неприятной и развязной лирической распущенностью.

Как молодому таланту проплыть между Сциллой и Харибдой?! Что спасет его и вынесет к читателю?! Истинный талант всегда сохраняет в себе ощущение самого себя как всех.

Припоминаю наставления
Литейщиков и кузнецов,
На что потратить вдохновение,
И красоту, и силу слов:
— Пиши, да так,

Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле...

В этих строках отражен важнейший момент духовной биографии Василия Федорова, выросшего в трудовой среде и никогда не прерывавшего духовной связи с простыми людьми. Он безо всякой натуги, естественно и просто ощущал себя частицей трудовой жизни. Но, растворяясь во всеобщем, поэт во что бы то ни стало должен стремиться сохранить свою резкую и неповторимую индивидуальность. Поэтому лирический поэт в известной мере всегда фигура трагическая, раздираемая противоположными устремлениями. Похоже, что еще в юности Василий Федоров думал над этими нелегкими вопросами, на которые нет ответов, ибо каждый отвечает на них своей жизнью и судьбой. Думать же, размышлять и поэту не вредно, но простодушие самой жизни ценнее всех интеллектуальных ухищрений. А поэзия Василия Федорова рисует нам образ не просто влюбленного в жизнь человека, а человека-гурмана, смакующего ее сладость и терпкую горечь. Жизнь прекрасна несмотря ни на что — девиз лирики Василия Федорова, особенно лирики любовной. Правда, отмеченная мной в ранних стихах поэта рефлексия мешает волеизъявлению чувства, и настоящей силы любовная лирика поэта достигает только в лирическом потоке неразделенной любви.

Все равно
Нам с тобою не слиться,
Как сливаются вольные реки,
Ревновать буду часто и злиться,
Как ревнуют и злятся
Калеки.

Дорогая,
Волной серебристой
Мы, сойдясь, не покатымся оба.
Даже в речке, большой,
Но не быстрой,
Ты осталась бы речкой особой,
Беспокойной,
Всегда серебристой.

Но и тихие реки весной,
До краев наполняя излучи,
По долинам,
Дразня белизною,

Тянут к милым
Разливные руки...

Без тебя мне
И больно и грустно.
Навсегда расставаясь с тобою,
Я свое помелевшее русло
Берегами крутыми прикрою.

Настоящего поэта невозможно представить без полета фантазии. Автору «Седьмого неба», «Женитьбы Дон Жуана» в ней не откажешь. Но уже в ранних стихах поэта чувствуется, что для полета фантазии ему обязательно надо оттолкнуться от чего-то реального — факта, подробности, детали...

Пейзаж в стихах поэта преобразен, но все же это пейзаж сибирский. Люди в стихах поэта подняты на пьедестал, предстают в царственном трудовом величии. Но в них узнаются друзья детства и товарищи по труду — сибирские сталевары, техники, авиаконструкторы. Поэтому, чтобы пуститься в полет, отдавшись фантазии, нужно пропитаться токами жизни. Они — теплые, земные, — держат его в высоте.

Бывало, что крупные поэты стыдились ранних своих стихов, называли их незрелыми опытами. Я не знаю, как относился к ранним своим стихам большой русский поэт Василий Дмитриевич Федоров. Наверное, требовательно, как и ко всему в жизни, к самому себе в первую очередь.

Но я прочитал эту книгу, составленную из ранних стихов поэта, и порадовался за будущего ее читателя. Его ждет встреча с молодой, горячей, трепетной от счастья и горя настоящей жизнью — жизнью человека, предьявлявшего ко всему большой счет.

Что пользы
Вечно малым пробавляться.
Бояться жить
И умереть бояться!

Поэтическое слово Василия Федорова было вещим и мудрым. Он не смог обмануть даже самого себя. За несколько дней до неожиданной своей смерти он написал короткое стихотворение-предчувствие.

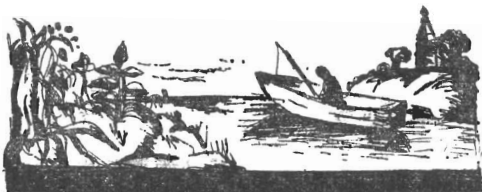
Я уже не с вами,
Я уже не тут,
Я в садах, где птицы
Райские поют.

В одном поэт ошибся. Он с нами. Останется с нами навсегда, останется, пока будет ярко сиять в вышине городов русское слово.
М. ЧИСЛОВ

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ

1938—1952

* * *

Имел бы я
Всеведущий ум пророка,
Я б заглянул
В грядущие года:
Куда меня,
Взметенная высоко,
Пригонит жизни
Быстрая волна?

Имел бы я
Магические призмы,
Я подсмотрел бы
Вопреки годам,
Что даст мне мир,
В который был я призван,
И что я сам
За это миру дам.

Хотя б на миг
Из тех далеких далей
Единый миг
Приблизился ко мне,
Чтобы понять,
Зачем меня призвали,
Что должен я
Исполнить на земле.

ДРУГУ

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

Дивись тому,
Что к сердцу близко
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.

Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных веж,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.

— Мы — люди.
Нас легко обидеть. —
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?

Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы люди,
Нас легко утешить
Напоминаям бóльших зол.

В любви,
В крови,
В огне боренья,
Со славой тех, кто первым пал,

Сменялись,
Гибли поколенья
За это все, что ты застал.

Все чудо:
Солнце, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес.
Все чудо!
И глаза любимой —
Две тайны
Двух земных чудес.

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевать
Прошел все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

* * *

И мороз,
И снег бескрайний.
На стекле, прикрыв закат,
Зарождается из тайны
Белый,
Белый,
Белый сад.

Все бело,
Как в дни цветенья:
Ветви, листья и трава.

Нежные до изумленья
Зачинаются слова.

Слышу
Птичье щебетанье,
Вижу белых гроздьев дрожь.
Только знаю,
На свиданье
В этот сад
Ты не придешь.

СЕСТРЕ

Опять, как перед зеркалом, стою.
За худенькие плечи обнимая,
В глазах сестры читаю жизнь свою,
Забывшие черты припоминая.

Все круче лоб,
Все реже рыжий чуб,
Темней глаза, прямолинейней брови,
И линии когда-то добрых губ
Становятся точнее и суровой.

Мишенью
Для ходячих остряков
Не станет ли седое благородство?
Все чаще я гляжу на стариков,
Уже предвидя будущее сходство.

Но, изменяясь,
Сохранить бы рад
Изо всего, чем наделен в излишке,
Все тот же тихий,
Любопытный взгляд
Простого деревенского мальчишки.

Я шел тропой.
След детства моего
Заштопан был щетинкою зеленой,
Но, как и прежде, у сырых обочин
Цвел пышный дягиль и росла куга.

А чуть повыше —
За дымком зеленым
Молоденьких берез, стоявших рядом,
Черемуха белела, словно платье
Подружки, караулившей меня.

Мне вспомнилась она.
Меж тем тропинка
Вела меня все дальше:
На опушке
Открылось мне село и на отлете —
Двор МТС и пятистенный дом.

Я подошел к крыльцу, и, не гадая,
Не думая о том, как в доме встретят,
Поднялся я на шаткие ступени,
Тихонько постучался и вошел.

Меня не ждали.
Мальчик крикнул:
— Мама! —
На зов его из комнаты соседней
Метнулась женщина, она спросила:

— Вы не к Сергею?
— Нет, я не к Сергею...
— А вам кого?
— Наташу... —
Удивленно

Взлетели брови, и густой румянец
Залил ее лицо, она сказала
Застенчиво и тихо:
— Я Наташа...

Сказала так застенчиво и тихо,
Как будто предо мною извинялась
За то, что лишь девическое имя
Сквозь годы пронесла без перемен.

Что говорить, она была красива
Неяркою, но милой красотой —
С большими незнакомыми глазами,
С чужим лицом и голосом чужим.

— Так это же ведь ты?! —
И засмеялась
Тем радостным и тем задорным смехом,
Как будто это прежняя Наташа,
В ней спрятанная,
Голос подала.

Сначала голос, а минутой позже
Я видел на лице ее красивом,
Хоть все еще чужом и незнакомом,
Те прежние, Наташины глаза.

И странно было видеть, как, меняясь
И голосом, и жестом, и глазами,
То девочка заговорит со мною,
То женщина степенно перебьют...

В своей любви двоиться не умея,
Их слушая, я понял по всему,
Что женщина была верна Сергею,
А девочка, как прежде,
Не ему...

* * *

Когда влюбляются титаны,
То начинаются раздоры, —
Они волнуют океаны
И рушат каменные горы.

Они, глашатаи эпохи,
Дерзнувшие попрасть законы. —
Вздыхнут, и пагубные вздохи
Опасны людям, как циклоны.

Бывает —
Падают титаны,
Но долго не смолкает слава:
Их раны — дымные вулканы,
А кровь их — огненная лава.

ПРИТЧА

— Там, на горе,
Построен будет храм, —
Сказал Строитель,
Показал на камень. —
Возьмешь его обеими руками
И понесешь,
И к сроку будешь там.

Счастливый тем,
Что я,
А не другой
Был в ранний час
Строителем замечен,
Я камень приподнял над головой
И, пригибаясь,
Опустил на плечи.

Понес его на горные места,
Сбивая с трав предутренние росы,
И не заметил сам,
Когда устал
И как решил,
Решил я камень сбросить.

И бросил бы,
И сел на камень тот.
Но, трудный путь усталостью итожа,
Спросил себя:
«А кто же понесет
Его наверх?
Когда не я,
То кто же?!»

МОРЕ

Сестре Тоне

За речкой не открыть Америк,
Но ты вела меня на взгорье.
— Закрой ладонью дальний берег,
И ты под ней увидишь море.

Виднелись села за рекою.
Вдали брело за стадом стадо...
Я берег закрывал рукою,
И выходило все как надо.

Летели годы —
Речка уже,
А мир все шире..
Нам с тобою
В метельной и буранной стуже
Порой был слышен шум прибоя.

Нас жизнь
Носила и хлестала
Пять лет —
От горя и до горя,
Да так, как будто суша стала
Намного беспокойней моря.

И, наконец,
При тихом ветре,
Преодолев каменьев груды,
Глядели мы с высот Ай-Петри
На вечное земное чудо.

Ты привела меня, как прежде,
К живому шуму синей лавы...
На Черноморском побережье
Я вспомнил детские забавы.

Вот море —
Буйное такое,
Ладонью мысленно приглажу...
И, горизонт закрыв рукою,
Хочу увидеть речку нашу.

КОРНИ

Сибиряк,
Я рос в лесном краю,
Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
Знаю родословную свою
Только до четвертого колена.

Что за ним —
Не слышал ничего я.
Прадед был,
И — помню из преданий —

Он ходил по Волге с бечевою
От верховья
К Астрахани дальней.

В некий час
Не Волга ли внушила
Прадедовой силе богатырской,
Чтоб она, не мешкая, спешила
К вольным рекам
Стороны сибирской.

Он простился с лямкою тугою
И проехал пол земного шара...
По утрам над мрачною тайгою
Полыхали зори, как пожары.

Говорят,
В дороге лошадь пала.
И тогда, в тоске о горизонте,
По-бурлацки сорок верст без мала
Вез телегу
Прадед мой Левонтий.

А потом,
Суровый и могучий,
Горький пот смахнув с лица устало,
Он взошел на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.

Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О, мой решительные деды, —
Знатски земли и рудознатцы!

Их нога ступала,
Где от века

Не вила гнезда себе орлица.
Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.

Жены-горевухи голосили,
А они, прощаясь в поле с рожью,
Что-то про судьбу свою басили
И опять пускались в бездорожье.

Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем еще подростком
Строить стал сибирскую дорогу.

Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

К РОДНЫМ МЕСТАМ

Нет, нас не память с юностью роднит, —
Она сама в нас вечным хмелем бродит.
Не потому ли жизнь меня хранит
И смерть при встрече стороной обходит.

Мне помнится, когда я подрастал
В толле белоголовых ребяташек,

Я знал, как скрыться в зелени куста,
Как проползти ложбиной, как услышать

Вечерний шум полей. Спасибо вам,
Прекрасные от века и до века!
Спасибо перелескам и буграм,
Спасибо ручейкам и рекам,

Спасибо всем, испытанным в огне,
Проверенным в труде и дружбе,
Спасибо тем, кто изготовил мне
Нигде не изменившее оружие.

Ведь мы от них все лучшее ведем —
И мужество свое и разум.
Настанет день, и мы домой придем,
На нас посмотрят и узнают сразу.

Не памятью о годах озорства —
Мы за три года стали вдвое старше —
Но по суровым признакам родства
Узнают нас и скажут: «Это наши!»

* * *

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших селах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:

Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли — спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось все
В сознании моем:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега,
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

* * *

И видел я
Незримое доселе:
Над головой моей издалека,
Похожие на древних птиц,
Летели
Напуганные чем-то облака.

Да, да, они летели,
А не плыли,
Они спешили,

Изнизу горя,
Как будто серо-пепельные крылья
Им обожгла высокая заря!

А по земле,
Неся с собой прохладу,
Хлеба и травы делая темней,
Еще тревожней пробегало стадо,
Причудливое стадо
Их теней.

Казалось,
Не был мир еще распознан
И, смутный,
Ждал рожденья моего,
Казалось,
Был он только-только создан
И я свидетель
Первых дней его.

Казалось,
Все, что есть под небесами,
Я должен был
Обжить и обогреть...

Как хорошо
Однажды посмотреть
На старый мир
Таковыми вот глазами!

АЛТАЙСКИЙ МОТИВ

Упрямая,
Через века
Катилась горная река.

Казалось, что звенели пилы
Средь скал, одетых в гроздь мха,
Как все, отмеченное силой,
Она порой была тиха.

Однажды на крутом утесе,
С огромной трубкою в руке
Сидел шайтан космоволосый,
Глядел, завидуя реке.

В ее кипящие глубины
Решил он скалы повалить,
Чтобы поток реки единый
На сто потоков разделить.

И вот, беснуясь и ревнуя,
Он валит камни там и тут...
А негодующие струи
Еще сильнее друг к другу льнут

И, все преграды обегая,
Соединяются опять:
И снова катится, сверкая
И та же ширь, и та же гладь.

И к берегам все та же сила
Относит поднятую муть...
Поют, названивая, пилы,
Прокладывая вечный путь.

Я рек повидал —
Дай вам боже!
Но эта мне милей всего
За то, что путь у ней похожий
На путь народа моего.

* * *

Анна, мне снится,
Анна, мне снова бредится,
Будто луну
Звездною лапою
Ловит
Большая Медведица.

И кто-то еще
За синяньем,
За блеском,
За синим огнем,
За молочным туманом
Взглянул на меня
И движением резким
Метнул с высоты
Метеорным арканом.

И смотрит злорадно,
Как полно смятенья
Влюбленное сердце
В полете пространном,
Как боль захлестнула
Обхватом смертельным
И душит меня...
Помоги же мне, Анна!

Вот поднял
И бросил
На новые муки,
На горе разлуки.
И страшно и странно.
Я падаю в бездну.
О, где твои руки!
О, где твои руки!

Спаси меня...
Анна!

Не знаю,
Не знаю,
Во сне ли,
Во сне ли,
Упал я на камни,
Суставами хрустнув.
На этой
До ужаса белой постели
Мне холодно,
Холодно, Анна,
И грустно...

* * *

Мы с тобой
Немного пробежали.
В быстром беге
Мог ли думать я,
Что меня
Украдкой ужалит
Злая
Подколотная змея!

Под какой
Колодиной лежала?
Сколько лет
Таилась, стерегла?
Нет,
Ты только выщерила жало,
А ужалить в сердце
Не смогла.

ОБЛАКА

Все небо
В ярком звездном свете.
Хоть и богат его наряд,
Я равнодушен — блески эти
Мне ничего не говорят.

Не поддается измеренью
Вся высота его,
Пока
Не заскользят угрюмой тенью
Предгрозовые облака.

Я светлым быть хотел,
Вначале
Умел я сердце охранять.
Но жизнь без горя и печалей
Мне трудно было бы понять.

* * *

Не знаю, как вы,
Но случилось со мной,
Что вспомню ее и краснею.
Давно это было.
За партой одной
Три года сидели мы с нею.

Был мягок,
Был тонок волос ее лен,
Простую лишь знавший укладку.
Скажу откровенно,
Что был я влюблен
До крайности в каждую прядку.

Но ей
Ничего я тогда не сказал,
И, чтоб не казаться беднягой,
Уехал в деревню, и землю пахал
Простою двуконною тягой.

Пьянила земля,
И тепла и черна,
Смутила хмельное сознание,
И в город, где стала учиться она,
Мое полетело признание.

С надеждою
Ждал я от милой ответ,
Предавшись фантазии яркой.
Однажды мне подали синий конверт
С огромной красивою маркой.

Читать побежал
В молодой березняк,
Где часто бродил одинокий.
Не очень-то нежный,
Я сердцем размяк,
Увидев приветные строки.

Пока о стороннем беседа велась,
Был почерк ее одинаков;
Пошло про любовь — и увидел я вязь
Неясных готических знаков.

Что делать?
Вдруг свет в мою душу проник.
От счастья лицо разулыбив,
Любовное слово я чудом постиг,
Прочел по-немецки:
«Их либе...»

И помню, тогда же
В любовной тоске
Решил я, о школе мечтая,
Что эту строку
На чужом языке
Когда-нибудь всю прочитаю.

Два года
Сквозь дебри глаголов чужих
Спешил я к строке сбереженной.
Письмо развернул я.
«Их либе дих ниht!» —
Прочел, огорченьем сраженный.

О знать бы тогда,
В том зеленом леске,
Чтоб совесть не знала уколов,
Что все отрицанья
В чужом языке
Ставятся после глаголов.

За многие годы
Изжил я вполне
Остатки наивности детской.
Но все же краснею,
А главное — мне
С тех пор не дается немецкий...

* * *

Судьба подступает
Со взглядом зловещим,
Тоску прозревает
Конца моего.

Сгубил свою жизнь
На стихи и на женщин,
Ни те,
Ни другие
Не стоят того.

* * *

Не встречаться бы, Оксана,
Не томить души напрасно.
Ой, Оксана, светит месяц,
Ой, Оксана, светит ясно...

Ты иди-иди, Оксана,
Я держать тебя не стану,
Не за нас краснеет небо,
Это свет зари, Оксана...

* * *

Когда уйдет она, невольню
Метель дорогу заметет...
Мне больно без любви,
Мне больно.
Но верю я — она придет.

Она придет неотразимо,
Она придет назло тоске,
Как музыка невыразима
На нашем грубом языке.

* * *

Если б ту тишину
записали на ноты,
то бы та тишина —
потрясла,

ПТИЧИЙ САД

Слушайте!..

Слушайте сказку-былину!..

Некогда знойной Ферганской долиной,
Ночью и днем охраняемый стражей,
Шел караван с необычной поклажей.

На полпути каравану навстречу
Вылетел всадник с неласковой речью.

— Э-ге-ге-ге! —

Закричал он с прискока. —

Кто вы, откуда вы, дети Востока? —

И, поравнявшись, спросил он вторично:

— Что за товар за такой необычный?!

Хиленький старец с седою бородкой
Тотчас ответил угодливо-кротко:

— С миром объехав далекие страны,

Птиц мы везем благородному хану.

Пусть он, не зная тоски и болезней,

Тешится их незатейливой песней.

Только за птиц этих старец боялся.

— Петь перестали!.. —

А всадник смеялся.

— Что же вести их под зноем и пылью,

Если у птицы есть вольные крылья?!

Надо, чтоб мудрые люди трудами

Землю свою покрывали садами, —

Так, чтобы птица сама прилетела,

Чтобы сама свою песню запела.

Зря ты качался, плывя по барханам, —

Нет твоего благородного хана!..
Люди свободны, раскрыты темницы,
В клетках остались твои только птицы...
Чтобы никто здесь обиженным не был,
Добрые люди, верните им небо!..

Клетки разбили... При первом ударе
Шум поднялся, как на птичьем базаре.

Песни не длинны и сборы не долги
Были у маленькой иволги с Волги;
С ней и другие, взлетев в поднебесье,
Быстро помчались в Сибирь и в Полесье...

Сталось, что всадник, измученный жаждой,
Крепко заснул в той долине однажды;
Спит и не видит герой смуглолицый,
Как отовсюду слетаются птицы.
Ночью над спящим в широкой постели
Крылья, как листья в саду, шелестели...

Каждая птица несла, сберегая,
Зернышко лучшего дерева края —
Южных каштанов, душистых магнолий,
Дуба и клена с придонский раздолий.
Не обошлось без любителя ветра,
Невозмутимо спокойного кедра,
Не обошлось без носящей рубины
Гибкой, как девушка, тонкой рябины..

Как и зачем —
Нам гадать бесполезно...
Но из земли тут пошло и полезло..

Всадник проснулся от песни звенящей,
Всадник увидел вдруг сад настоящий.

Слыша о том, затаил я охоту
Полюбоваться на птичью работу.
Еду долиной... И слева и справа
Видится мне за дубравой дубрава...
Вижу, как мудрые люди трудами
Землю свою покрывают садами...
— Так почему же идут небылицы,
Будто сады посадили здесь птицы?

Хиленький старец с седою бородкой
Тотчас ответил насмешливо-кротко:
— Если и в сказках ты хочешь увязок, —
Значит, не слыхивал в детстве ты сказок...
Сын мой, — сказал он, —
За труд свой народы
Видят во всем благодарность природы.
Вот и в песках, напоенных водою,
Саженцев племя растет молодое...
Зной их не губит и ветер не клонит,
Листья приподняты, точно ладони...
Тронет ли ветер молоденький кустик,
Листья зашепчут: «Не пустим! Не пустим!»
Слышишь, лопочут так ясно, так дружно?..
— Слышу! — сказал я ему простодушно.

Взглядом меня
Он насмешливо смерил:
— Что же ты птицам тогда не поверил?!

* * *

Оно как будто на пороге.
Мне чудится — ко мне спеша,
Сейчас индейские пироги
Раздвинут стебли камыша.

Ведь было:
Верилось когда-то,
Что на берег, подмяв кусты,
Сойдет прекрасный Гайавата —
Муж Минегаги, сын Звезды.

Но вот
Навстречу полным ходом,
Подняв смоленые бока,
Скользит, расплескивая воды,
Простая лодка рыбака.

ИМЯ

Как только станем взрослыми,
Займем какой-то пост,
Начнут долбить вопросами:
— Где жил?
— Как жил?
— Как рос?

И кто бы ни расспрашивал,
Я честно отвечал:
— Жил бедно.
Все донашивал
Со старшего плеча.

Рос быстро.
Скажем, валенки.
Войдешь в их пустоту
И сразу видишь — маленький.
А делать что?
Расту!

По слову
Жизнь мне давшего

В торжественной ночи,
Вот так от брата старшего,
Меня не увидавшего,
Я имя получил.

А имя то хорошее,
Браток звался Василь,
Немного было ношено.
Отец сказал:
— Носи.

На мне одежда латана
Сгорала, как в огне,
И только имя братово
По-прежнему при мне.

Его точили недуги,
Не делая старей,
Его трепали недруги,
А имя все добрей.

* * *

Вспоминается детство
И мать моя, жница,
Пятистенной избы
Вековой полумрак,
А в переднем углу
Вся в иконах божница,
На которой я прятал
Свой медный пятак.

У меня был расчет,
Да к тому же и тонкий,
Что не каждый решится
К богам на визит.

Ну а ежели что,
Любопытной сестренке
Николай Чудотворец
Перстом погрозит.

Ото сна и ко сну
Перед Девой Пречистой
Бестолково взлетала
Моя пятерня.
А уж старшие были
Давно коммунисты,
Между ними и мамой
Шел спор за меня.

Я душою —
То к ним,
То к обиженной маме,
А у мамы дела
Да привычка страдать.
И однажды в грозу
Перед всеми громами,
Есть ли бог или нет,
Я решил испытать.

Помню,
Воздух от молний
Взрывался, как порох,
Наплывала тяжелая,
Душная гарь.
Я решил.
Я взбежал на Астахов пригорок.
Я, бледнея, сказал:
— Если есть ты — ударь!

И ударило.
Молния трижды сверкала.
Трижды неба разлом

Надо мною зиял.
Трижды детское сердце мое
Замирало,
А потом — ничего,
Отошло.
Устоял.

Был тот день для меня
Днем второго рожденья
Днем начала открытий,
Исканий моих.
Если я убежден,
Нерушимы мои убежденья,
Потому что
Я жизнь свою ставил за них.

ИСПЫТАНИЕ

У ворот завода,
На пригорке,
У толпы шумливой на виду,
Новый трактор,
Что пришел со сборки,
Ставят на железную плиту.

По бокам барьеры,
Словно шоры,
Сзади столб, чтоб цепью прикрутить.
Тракторист включает «самый скорый»
И идет в сторонку покурить.

Великан железный весь трясется:
Цепь стальная ходу не дает.
Новый трактор рвется, рвется, рвется —
И не может вырваться вперед.

Кто-то огорчился:
— Эх, любезный!..
Дым да грохот все сильнее, сильнее —
Словно пляшут на плите железной
Восемьдесят кованых коней.

Слышен скрежет.
Бедному легко ли?
Перед ним ковыльной сединой
Стелется невспаханное поле,
Соблазняя первую весной.

Тракториста
С шутками и лестью
Люди окружили, говоря:
— Почему он топчется на месте?
Отпусти! Не мучь богатыря!..

Тракторист на просьбы и вопросы
Улыбнулся и пыхнул дымком...
Докурил спокойно папиросу
И примял тяжелым сапогом.

Посмотрел, как трактор в поле рвется,
И сказал:
— Не вижу в том беды.
Молодой он, пусть пообомнется,
Чтоб потом
Не портил борозды.

МУЗА

Поле было спокойно, и весь я
Замер, словно бы кто пригрозил,
В непопятном тогда равновесьи
Молодых неизведанных сил.

А вокруг — никого!
Вспоминаю:
Сонный зной осенял деревца,
Вдруг явилось откуда — не знаю —
Очертанье родного лица.

Облик темные косы венчали,
А глаза, где не видно ни зги,
Были полны глубокой печали
И какой-то суровой тоски.

Будто в них мое горе таится.
Надо мною лицо наклона,
Что-то хочет сказать, но боится
Горькой правдой обидеть меня.

А меж тем, продолжая гаданье,
Отойдет и глядит — в стороне —
Будто знает про все испытанья,
Что положено выстрадать мне.

Будто знает по страстному гуду,
По неровному стуку в груди,
Что осилю все беды,
Что буду
Среди тех, кто пойдет впереди.

Что, познав и любовь и уменье,
Весь отдамся родному труду.
Мне действительно было виденье
На девятом году.

* * *

Моя забытая тетрадь,
Ты новых строчек ждешь безмолвно.
Так моря штилевая гладь
Ждет набегающие волны.

Уж бьет в лицо мне ветер влажный,
Все ближе бури голоса.
Сегодня рифмолог отважный
На реях поднял паруса.

...Чтоб все прочувствовать, измерить,
Не смей молчать! Глядеть назад!
Ты слышишь, это в наши двери
Стучится вражеский приклад.

Трещат железные засовы...
Встань необстрелянное слово
Под знамя новых баррикад.

Встань беспощадным, бейся смело,
Мечом лучей не обрубить,
Ты вешним солнцем быть хотела,
Теперь учись палящим быть.

Любви и ненависти в дар,
Я нынче все отдать поклялся,
Чтоб каждый боевой удар
Ударом в сердце отзывался.

Чтоб там, где русская верста
Под ноги гадине упала,
Над тенью черного креста
Звезда России засияла.

* * *

Как с неба полночного звезды,
Спадая в земное лукошко, —
Катились из глаз ее слезы
Короткой хрустальной дорожкой.

Спросил я: «Что, милая, значит?
Ты сердце мне ранишь слезами».
Ответила: «Думаешь, плачу?
Из глаз они катятся сами».

ДРУГУ

Будь счастлив. Доживи до дня —
Дня мира, дня большой награды,
Ты можешь позабыть меня,
Но ЭТО забывать не надо:

Что над Землею ночь была,
И смерть держала всех когтями,
Нас по Земле Звезда вела
Невероятными путями.

Что эта ночь была страшна,
Смерть отмечала черной метой,
Но Жизнь над павшими прошла
Лучами нового рассвета.

Будь счастлив ожиданьем дня.
Затихнет песня боевая...
Ты можешь позабыть меня,
Но дней таких не забывают.

* * *

Если у лебедя ранят подругу —
Смерть ему не страшней.
Он гордо откружит последним кругом
И камнем падет за ней.

Будешь любовью моей хранима,
Но если быть беде —
Песни мои тебя поднимут
Крыльями лебедей.

СВАДЬБА

У крыльца толкуются люди,
Бабы шепчут у окна:
— Как же будет?
— Что же будет?
— Поженились! Вот те на! —
А старушка об одном:
— Самый главный агроном,
Городской,
В деревню пришлый...
Вот те крест,
А я б не вышла! —
Кто-то весело в толпе:
— Удержаться просто,
Если, бабушка, тебе
Стукнет девяносто...

Запоздавшего встречая,
Упрекают — ну и ну!
Агрономша тащит к чаю,
Агроном зовет к вину.
— Разорвут! —
Смеются гости. —
Вы свою стыдливость бросьте,
А не то в отместку вам
Я и эту выпью сам.

«Нашим девкам белолицым
Ваши парни не с руки!..»
Заскрипели половицы,

Застучали каблуки —
Застучали: ту-ки, ту-ки!
Подобрался, вскинул руки
И пошел дробить плеча:
Ча-ча-ча!
Ча-ча-ча!
В белой вышитой рубашке,
Улыбаясь за двоих,
По одной тесовой плашке
Гусаком прошел жених.
Никому не верится —
То-то был серьезный!
С ним решил помериться
Бригадир колхозный.
— Эхма!.. Эх!
Гуляй, Антошка!
Молодая, не зевай!
Из просторного лукошка
Ножка в ножку
Понемножку
Бригадиру подсевай. —
Молодая не зевает —
Золотым дождем идет.
— Сею, вею, подсеваю,
Да боюсь, что не взойдет!..

Дед увидел неполад, —
На невесту строгий взгляд.
— Песня — песней,
Пляска — пляской,
Не забыть бы и обряд:
Молодые, встаньте в ряд.
Тише, гости!
Тише, резвые!
Не ворует, чтоб спешить.
Нам, пока головки трезвые,
Надо дело завершить.

Говорю тебе сердечно,
Мне перечить — не моги!
Отдаем тебе навечно,
Век-то долгод — береги!
На породу нету жалобы,
Красота! Не возражай.
Чтоб трудилась и рожала бы,
Как колхозный урожай.

— Отвечай, жених, словами!
— Отвечай, жених, делами!
— Только все во свой черед,
Подождет тебя народ!

— Что ответить?
Что сказать бы?
(Дед сказал и шасть на печь.)
Откровенно, я для свадьбы
Не успел придумать речь.
Чтобы с линией согласно,
С той, которой я иду,
Безусловно, дело ясно,
Так сказать, не подведу.

АГАСФЕР

Цветистым узором
Вам жизнь начертила
Красивые будни
В спокойном пути,
А мне она в сердце
Смятенье вселила
И, как Агасферу,
Велела идти.

Иду.
Мне дорога
До боли знакома,
Сойти бы с нее.
Но — огни впереди,
И звездная крыша
Вселенского дома
Мне давит на плечи
И шепчет: «Иди!»

Иду.
Эту скорбную ношу веками
Я гордо
По жалкой земле пронесил.
Я шел через смерть
Огневными полями
И жизни щадить
Никогда не просил.

И даже тогда,
Когда брэнное тело
Запнется о выступы
Вырытых ям,
То тень моя
Встанет из гроба и смело
Опять побредет
По родимым полям.

* * *

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зеленых пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.
И пусть я рос, по-детски мало нежась, —
В моей груди все время будет цвести
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твое немеркнувшее имя.

Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
— Откуда он? —
И скажут им в ответ:
— Он — марьевский
И поступью и родом.

ВЫБОР

Я жить хотел
Не как-нибудь,
А так,
Чтоб с радостью да с толком,
И потому свой трудный путь
Искал настойчиво и долго.

Я — в небо.
Звезды говорят:
«На облаках легко и пышно,
Но если на Земле скорбят,
То этой скорби здесь не слышно.
Другому право передай
Купаться в голубом просторе,

А сам спустишь и попытай
Свое призвание на море...»

Я — к морю.
Плещет предо мной
И повторяет многократно:
«Ты пешеходный,
Ты земной,
Взгляни и уходи обратно.
Иди туда, где был рожден,
А я, повздорив с океаном,
Приду к тебе туда дождем,
Приду к тебе туда туманом...»

От моря,
От его речей
В горячий цех пришел я вскоре.
Огонь мартеновских печей
Как будто сговорился с морем:
«Иди!
Постигшие руду,
Мы не разминемся друг с другом.
Иди, а я к тебе приду,
Приду предплужником и плугом»,

Я — в поле.
А поля цвели,
Напоминая берег певный.
Я — плоть и кость родной земли,
Вошел по грудь
В разлив ячменный.

* * *

Где плыву?
Куда причалю?
Ты не гнишь,

Мое весло.
Не заметил,
Как печалью
Лодку в горе
Унесло.

А у горя,
Как у моря,
Волны черные дики.
И любовь,
Со мною в споре,
Погасила маяки.

Ты плыви,
Плыви далеко,
Спорь с туманом
Над волною.
И красива
И жестока,
Но жестока
Лишь со мною.

* * *

Кто б жизнь мою
Окинул оком
И кто бы догадался сам,
Что я стою живым упреком
Несправедливым небесам.

И кто бы проявил участие,
Постигнув главное одно:
За что рожденному для счастья
Любви и счастья не дано?..

* * *

Гляжу я,
Глаз не отрывая,
Когда во всю длину и ширь
Ты распахнешься милым краем
Со странным именем — Сибирь.

Шепчу лесам,
Лугам и плесам:
— Родимый край,
Я — твой, я — твой! —
Неугомонные колеса
Весь день стучат:
«Домой! Домой!»

Мне видно из окна, как справа
Летят в обратное кусты,
И слышно, как на переправах
Гремят железные мосты.

Мы полным ходом,
Полным ходом
Летим три ночи и три дня.
Отстали города и годы,
Что вместе старили меня.

И за уральскою стеною
Осталась та,
Осталась та,
Не забываемая мною,
Моя любовь и маета.

Перед лицом родного края,
Перед суровой красотой,
Все огорченья забывая,
Простил я той,
Простил я той...

Я долго жил, как птица в клетке,
И вот взлетел,
И вот взлетел!..
По озорным глазам соседки
Я вижу, что помолодел.

Остаток дня нам вместе мчаться,
В окно открытое глядеть,
От близости чуть-чуть смущаться
И легкой робостью робеть.

Пусть молодые сны мне снятся,
Что не приснятся старичкам,
И пусть в груди моей теснятся
Все ощущенья новичка.

Так чисто,
Так звонкоголосо,
Как будто радуясь со мной,
Неугомонные колеса
Стучат, стучат:
«Домой! Домой!..»

РЫЖУХА

Очень часто,
Всем сердцем гордый
За места, где я жил и рос,
Вместо отдыха на курортах,
Взявши отпуск,
Я шел в колхоз.

Вот дорога слегка пылится.
По дороге, навстречу мне,
Мчится рыжая кобылица
С русым мальчиком на спине.

Он сидел,
Боевой, глазастый,
Стиснув тонкие поводя.
Поравнялись.
— Рыжуха, здравствуй! —
Крикнул весело я тогда.

— Здравствуй, старая!.. —
Левым ухом,
Правым рыжая повела...
— Что вы, дяденька...
Та Рыжуха
Позапрошлый год умерла.

Это дочка,
«Весна» по кличке.
Трактор пашет вон там, где лес,
Ну, а мы с Весной рапортнички
Возим в ближнюю МТС.

Мальчик долго не трогал с места,
Разговаривал все бойчей...
Узнавая в нем чье-то детство,
Я спросил его:
— Сам-то чей?

Пригляделся —
И вспомнил друга,
Что погиб на чужой земле...
— Ну, пошла! —
И малец упруго
Приподнялся вдруг на седле.

Как бы тело ни уставало,
Все бы шел я вперед и шел,
Потому что на сердце стало
И печально и хорошо...

СЛЕДЫ

Вспоминается:
В книге я встретил
Очень горькие строки о том,
Будто в семьях лишь первые дети
Обладают богатым умом.

Говорил я с обидой ребятам:
— Вот настанут большие дела,
Разве я виноват, что девятым
Мать на поле меня родила.

Не скажите,
Что был я нескромен
Тем, что грань разнолетья стирал, —
Братья были
Строители домен,
Удивительных дел мастера.

Для обиды
Есть разные поводы:
Я догнал был, но, как на беду,
Начались торопливые проводы...
В сорок первом году.

Никогда,
Никогда не забуду:
Мать глядела и мяла платок...
Разорвать наши взгляды с минуту
Даже поезд, казалось, не мог...

Никакие меня неудачи
Не сумели пригнуть и сломать.
Стал я первым в семье,
Но иначе...
Вспоминая потерянных, плачет
Моя старая тихая мать.

Даже если и слезы бывают,
Их не видит никто.
Поутру
Слишком быстро они высыхают
На холодном сибирском ветру.

Даже больше, —
Весенними днями,
Когда жизнь проступает во всем,
Их смывает косыми дождями
На горячий крутой чернозем.

Помню путь
К материнскому дому:
Проходя за пределом предел,
По-иному, совсем по-иному,
Не по-детски на мир я глядел.

Отдохнув на траве придорожной,
После стольких
Стремительных лет
Я шагал по земле осторожно,
Сапогами печатая след.

Было грустно.
Скажу откровенней:
Наклоняясь над теплой пылью,
Я как будто ослаб на мгновенье
И присел на родное крыльцо.

Вечерами
Здесь братья сидели
И делились заботами дня...
Все, что сделать они не успели
В этой жизни
Легло на меня.

Чтоб сказать
О потерях негрубо,
Вспоминая братанов своих,
Целовал материнские губы
Много раз —
За себя и за них.

* * *

Любовью,
Гневом
Сердце мая,
Людей привык я разделять
На тех, которых я не знаю,
И тех, которых смог узнать.

И этих,
Что узнал поближе,
Я, приглядевшись,
Так делю:
Одних до радости люблю,
Других до боли ненавижу.

* * *

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги
И волн веселую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой, —
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит.
Она с веселыми стрижами
О чем-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих милых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,
Все сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

Лежу,
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому,
Легко.

КОРШУН

Однажды
Обманул я коршуна,
На редкость резко просвистав,
И коршун закружил встревоженно,
Косые крылья распластав.

Сбивая с толку птицу дикую,
Еще призывнее, как мог,
Стонал и плакал коршунихою
Нехитрый травяной манок.

С ответным криком,
Полным страстности,
В бесплодных поисках ее,
В любви
Забывший об опасности,
Он падал на мое ружье,

Оно
Навстречу было взброшено...
И все ж я птицу не убил.
Любовь священна.
Даже коршуна
Не трону
В час его любви.

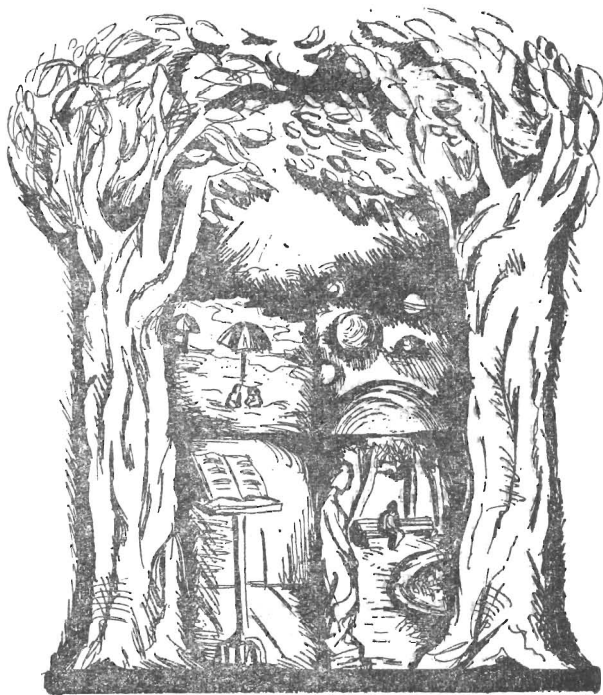
* * *

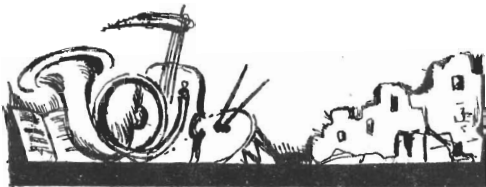
Все, что сказал —
ценой седни,
ценой моих страданий добыто.

У счастья не бывает опыта,
для счастья год —
как день один.

ВОЙНА И МУЗЫКА
1941—1953

ВОЙНА И МУЗЫКА

Не лечу,—
Пару ног волочу
От земной перегрузки,
От бессонниц,
От звуков,
Что сдавили виски.
Вдруг запела
Веселая музыка...
Музыка!
Разве время для музыки?!

Разве ей
Наше горе понять
И поправить?
Ну, с чего ей поется?
Ну, кто ее просит
Размораживать душу
До слякоти?
Я ведь
Заморозил ее
На сибирском морозе.

Пусть поймет,
Что у ночи
Я все еще пленный,
Что мне легче

Седеть и стареть
 Несогретым.
 Если юность
 Нельзя сохранить неизменной,
 Мы охотно с нее
 Сохраняем портреты.

И когда-нибудь,
 Зная, что жил я недаром,
 Прошепчу, собирая
 Минувшего ключья:
 Вот под музыку эту
 Бродил я бульваром,
 А под эту
 Я плакал
 Той памятной ночью.

ЧЕЛОВЕК

Начни со слова — Первожданность.
 Минуло страшно много лет,
 Пока спиральная туманность
 Не стала крутостью планет,
 Пока Землей она не стала,
 Где слышу я то смех, то стон,
 Где жизнь на бесконечно малом
 Дала вначале свой закон.

1

Хочу понять, как совершилось,
 Хочу найти живой ответ.
 Должно быть, было так:
кружилась
 Земля среди других планет.

По ней, блуждая тусклым взглядом
В безволие непонятном нам,
Брело бессмысленное стадо
По бесконечным валунам.
И первый тот, кто дух спасенья
Вдыхая грудью, обонял,
В невероятном потрясеньи
Над стадом голову поднял.

Хрустел спины нарост горбатый
Темнел широких лап замах,
Он встал, огромный и косматый,
Впервые встал на двух ногах.
Как бы готовясь к рукопашной,
Он все стоял, а мир скользил,
И взгляд его, впервые влажный,
Рожденье мысли отразил.

Свободная, под стать простору,
Еще податливей, чем воск,
Она, подобно метеору,
Пробороздила темный мозг.

Ему такой восход открылся,
Сиявший необычно так,
Что он к земле не опустился,
Но взял и сделал первый шаг.

2

И проходили век за веком,
Все убыстряя дней разбег,
Каким красивым человеком
Явился он в двадцатый век!

В пылу неугасимой страсти,
Все поборая, он дошел

До самой до Советской власти,
До радостного — хорошо.

Он силы прежние утроил,
Он жил и не жалел труда,
Он, о большом мечтая, строил
Неслыханные города.

На реках он слагал плотины,
Чтоб воды хлынули плотней,
Он страстно рисовал картины
На самом прочном полотне.

Он создавал в пылу горенья,
Себя от мрака отрешив,
Неповторимые творенья —
Бессмертие своей души.

3

На улице играли дети,
Чертили на песке круги,
Совсем не зная, что на свете
У них имеются враги.

Совсем не зная, что над ними
Висит какая-то война,
Что человеческое имя —
Единственная их вина.

Не зная, что кому-то надо,
Чтоб дети славы и труда
Вернулись почему-то в стадо,
Покинутое навсегда.

Не зная, что под вой сирены
Из темноты времен иных

Зеленые глаза гиены
Смотрели с завистью на них.

Наперекор самой Природе
Они корили их во всем.
«Вы ходите, как мы не ходим,
Ползите же, как мы ползем».

Путь человеческий скрестился
С путями дикими, но так,
Что Человек не опустился —
Он бросился в огонь атак.

4

Весь мир, казалось, необъятный,
Со всех его концов пылал,
В пылу борьбы невероятной
Сын человеческий упал.

Упал мой брат на смертной грани,
Когда дыханью — перестать.
Он сразу ощутил, что ранен
Так сильно, что уже не встать.

Почувствуйте хоть на мгновенье,
Героя заменив собой,
Трагическое столкновенье
С неумолимою бедой.

Почувствуйте ее вторжение,
Когда, чтобы мечту спасти,
Он, смелый, гордый от рожденья,
Он, сильный, должен был ползти.

Представьте же себе, как больно,
Ломая плети рук в кустах,
Он полз по той земле, где вольный
Ходил он с песней на устах.

ПИСЬМО

Валентине Поздышевой

Валя, милая, дни коротки
И минуты размеренно-строги.
Здесь война распустила мотки
Перепутанных нитей дороги,

Скоро, скоро помчатся гонцы...
Скоро воин к любимой вернется,
Но пока не отыщем концы,
Много жизни путей оборвется.

Я не скрою тяжелую грусть:
Мне нередко казалось ночами,
Будто темная древняя Русь,
Испытуя, глядит за плечами.

И когда огневой перехват
Все живое крадет торопливо,
Мнится — я перед ней виноват
Вот за эти глухие разрывы.

За луга, где нет места траве,
За дома, где нет места ребенку...
Оттого на моей голове
Нити белые легкой плетенкой.

Что я видел и что перенес,
Пусть тебе никогда не приснится,
Здесь изъеденный череп пророс
Васильками в прогнивших глазницах.

Даже к чистым желаниям строг,
Видя их, выраставших из плена,
Я сорвать их хотел и не мог —
Это было б позорней измены.

Я от странного чувства дрожал,
Вспоминая, когда после боя
Я весь день среди трупов лежал,
Чтоб сберечь свое сердце живое.

О как горько их видеть в беде,
Еще горше коснуться руками,
Белый череп упрямо глядел
Благодарными мне васильками.

И восторг мою душу объял.
Жизнь! Тебя через смерть пронесил я,
За моею спиной на меня
С мудрой верой смотрела Россия.

Я не скрою тяжелую грусть,
Счастье в сердце не часто стучится.
Может быть, я к тебе не вернусь,
Может быть... Это может случиться.

И уйдут эти дни далеко...
Но, с другими гуляя по лугу,
Никогда не срывай васильков
Даже самому лучшему другу.

* * *

Гремела битва,
Много раз
Мы вступали с новым пылом
И новой ненавистью,
Нас,
Отчаянных,—
Двенадцать было.

Темнела ночь.
Луна из тьмы

Выглядывала изумленно...
Мы обагрились кровью, мы
Не опорочили знамена.

Мы рвались черту на рога,
И чертовы рога погнулись,
Когда и дьявол пал, тогда
Живые гордо оглянулись,
Чтобы увидеть — кто спален...
Друзья по боевой отваге
Легли, как десяти знамен
В бою поломанные стяги.

Недоставало одного.
Оглядывая павших грудю,
Я в мертвых не нашел его,
Среди живых искать не буду.

ПИСЬМО СОЛДАТА

Хочу в письме
Тебе о всем поведать.
Пока не слышно зова батарей,
Мечта спешит великий день победы
Предугадать за много, много дней.

И осмотреть
Влюбленными глазами
Тот светлый день,
И сердце отогреть.
О, как, омытый кровью и слезами,
Он будет ослепительно гореть!

И если нам
Его не видеть вместе,
И если...

О, как хочется прочесть
Мне лишь одно
Среди твоих известий —
Что будет сын,
Что у меня он есть!

И в ожиданье
Грозного рассвета
Воображать любимое лицо.
Что мне с того,
Что назовут поэтом,
Когда никто
Не назовет отцом!

Никто не скажет
Сверстникам-ребятам
Всей гордостью
Восьми каких-то лет:
«В те времена
Отец мой был солдатом,
Он, между прочим,
Был еще поэт».

ЗАВЕЩАНИЕ

Солдат,
Приподнимаясь над постелью,
В предсмертный час
Для сына диктовал:

«Передаю тебе родную землю,
Которую я вновь отвоевал.

Чтоб не посмел
Никто ее обидеть,
Ты, продолжая славный путь отца,
Расти большим,

Чтоб всю ее увидеть,
Понять ее душою до конца.

Пиши, сестра, пиши...
Наш край метельный,
Где ты родился,—
Так и напиши,—
Умей любить
Любовью беспредельной,
Умей любить
Всею нежностью души.

Смотри, мой сын,
По капле не разлейся,
Но, жизнь и труд,
И славу полюбя,
Ты мужеству учись
И не надейся,
Что кто-то будет думать за тебя.

Настанет время,
И дорогой вешней
По волнованью луговой травы
Ты в жизнь пойдешь,
Не выходи без песни,
Не опускай веселой головы.

Она подарком не дается свыше,
Умея жить и все одолевать,
Я сделал все,
Чтоб ты ее услышал,
Узнал ее и смог завоевать.

Чтоб в трудный час
Любого испытанья
Ты верности в груди не погасил..

Писал в минуту ясного сознанья
И в полноте моих душевных сил».

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

В ярком свете
Седой запрокинулся тыл;
Вскинув
Тонкие длинные руки,
Дирижер надо мной
Черным лебедем взмыл
И застыл на волне
Раскаленного звука.

Люди в зное сидели,
Немея и тая,
Скрипка скрипку
Куда-то бежать торопила.
А волна закачалась,
Барьеры сметая,
И темные грядки
Голов затопила.

Хлюпала флейта:
«Омой, омой его!..»
Свирельный фонтанчик
Морозил до дрожи...
А над потопом
Ковчегом Ноевым
Сдвинулись плотно
Пузатые ложи.

Спас барабан,
Как всегда,
Когда нежненьким туго,
Цыцкнул на скрипку:
«Сегодня стонать бы не ей!
Настежь двери!
За мной, хоралы и фуги!
Сегодня я
Верхохорю симфонией!»

ТРИ ЖИЗНИ

Памяти Ивана Смолякова —
героя Великой Отечественной
войны

Вместе когда-то мы бегали в поле,
Вместе когда-то учились мы в школе,
В новосибирском рабочем предместье
Первую жизнь начинали мы вместе.

Если спокойно подумать о прошлом,
Был он, по-моему, просто хорошим.

Мы за него —
Как не верить такому! —
Честью своей поручились райкому
И, не гадая о доле героической,
Другу вручили билет комсомольский.

Выпало нам
В постоянной заботе
Мастеровать в дни войны на заводе;
Выпало другу
По долгу гражданскому
Стать на Дону вожаком партизанским.

Не был потерян и не был забыт он,
Был он фашистами насмерть запытан.

Жизни второй
Нам никто не дарует,
Мы же ему сотворили вторую:
Пусть истребителем,
Пусть монопланом —
Стал он опять
Смоляковым Иваном.

Сотни и тысячи юных рабочих
Стали на вахту в бессонные ночи —
Первые сутки,
Вторые и третьи
Отдали мы
Одному на бессмертье.

Он улетел в сорок пятом к Берлину
И не вернулся — наверное, сгинул.

Сгинул ли:
Смерти герой не боится —
Дважды погибнет
И трижды родится,
Други-ровесники к тридцатилетию,
Зная две жизни,
Дадут ему третью.

Жить ему в песне!
Наверно, недаром
Мир награждает нас песенным даром.

* * *

Их взяли,
Тронутыми гарью,
На поле, выжженном дотла:
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.

Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.

Война!
Она и сталь калечит.
Мартен как госпиталь, и в нем
Ее, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнем.

Чужая сталь —
С ее виною,
С позорной метою креста, —
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.

Чиста,
Как в первое плавление,
Когда она перед войной
Еще ждала предназначенья
Стать трактором и бороной.

И потому
Не странно даже,
Что, становясь все горячеей,
Она, чужая, вместе с нашей
Сливается
В один ручей.

ЯЛТА

Заброшенный в Ялту дня на два иль на три,
Всему удивляюсь, хожу как в театре.

Немного усталый, немного печальный,
Невидимо тронутый грустью прощальной.

Над кручей мне виден, до солнца взметенный,
Точеный до пят, кипарис веретенный,

Привинченный наглухо к горному кряжу,
Прядущий лучей золотистую пряжу.

А солнце смеется — кто счастье пытается,
Небесный клубок нелегко разматает...

Веселый клубочек! Ну сколько напрял ты.
Пока я катилось над белую Ялтой?

Раздвинулся занавес тучек, в просветы
Виднеются домики, точно макеты,
Веранды, и окна, и ветви акаций —
Все, все, как в театре, — с больших
декораций.

Купил я билет за несметную цену,
Чтоб с болью взглянуть на пустынную сцену
Пока же антракт и актеры не в сборе,
Без отдыха действует Черное море,...

Оно, удивляясь пустому партеру,
Зеленою лавой несется к барьеру...
Взлетели фонтаны, омывшие близко,
Нежданно возникшую грань обелиска...

Оно благодарно его омывает,
Твердя, что в театре таких не бывает,
Но людям достались великие роли —
Трагедия сыграна, — пали герои.

Чтоб солнце, когда б головы не поднял ты, —
Все время играло над белую Ялтой.

НА БЕРЕГУ

Бегут круги,
Кружки,
Кружинки...

Мальчонки взмахами уды
Золотобокие кувшинки
Вытаскивают из воды.

Мне слышно,
Как они смеются,
И видно:
На волне крутой
Большая лилия, как блюдце,
Наполнилась живой водой.

Открылись розовые стоки.
Как будто,
Лилию клоня,
Пахучие земные соки
Переливаются в меня.

Все поражает новым смыслом.
Вон девушка,
Моей под стать,
Качается под коромыслом,
Чтобы воды не расплескать.

Все видится
В ином значенье.
Вон легкий ветерок повлек
По серебристому теченью
Кружащий селезнем валец.

А женщина,
Снимая с плахи,
Развешивает на кусты
Не очень новые рубахи
И очень свежие холсты...

И, может быть,
Моих открытий

Глухому сердцу не понять.
Войной оборванные нити
Соединяются опять.

В душе
Ни боли,
Ни страданья,
В душе зажегся робкий свет,
Как долго шел я на свиданье,
Отложенное на пять лет.

Но сердце многого не знает,
Когда у тихих берегов,
Стуча,
Само напоминает
Забытый звук ее шагов.

Давно их нет.
За датой дата
Проходит в памяти...
Прогнать?!
Нет, все, что я любил когда-то,
Я не могу не вспоминать.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Ты поминутно цвет меняешь:
То просветленней,
То темней,
Прощай,
Ты мне напоминаешь
О странной косности моей.

Ты зыбкое,
Ты все забыло,
А вот на мне лиха беда

Однажды след пробороздила,
И он остался
Навсегда.

И голубое
И седое
При виде друга
И врага,
О море, вечно молодое,
Ты старишь
Только берега.

То беспокойно,
То беспечно,
То мирно замерев у ног,
Ты можешь волноваться вечно,
А у меня
Короткий срок.

Прощай!
Покинутое дело
Закончить вовремя спеша,
Пойдет мое земное тело
И сухопутная душа.

* * *

А. Коптелову

Наш сад похож, когда цветет,
На белую метелицу...
В нем яблоня не вверх растет,
А над землею стелется.

Она садовником своим
Нисколько не унижена
И лишь на случай вьюжных зим
К родной земле приближена.

* * *

Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто верст кругом.

С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьет в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.

Любые страхи нипочем,
Но я страдал,
Когда внизу
Река казалась мне ручьем,
А пруд похожим на слезу.

И даже город мой мельчал
И становился все бедней.
Я с высоты
Не замечал
Снующих по нему людей.

Я с неба совершал побег.
Меня оттуда вниз несло,
И все, что создал человек,
Опять росло,
 росло,
 росло...

Я не завидую орлам.
Земной — с земли не убегу.
Я человеческим делам
Не удивляться
Не могу.

СЛЕПОЙ

Людей не видя пред собой,
Не замечая в сквере лавочки,
По улице идет слепой,
Потрагивая землю палочкой.

Его толкнут,
Пройдут вперед,
И тотчас, торопясь вмешаться,
Какой-то зрячий призовет
Быть чуткими
И не толкаться.

Но слышу голос я его,
Негромкий в человечьем гуде:
— Толкайтесь... Это ничего...
Я буду знать,
Что рядом — люди.

КАНДИДАТУ

Мы отдадим все наши голоса,
Чтоб голос твой был громче и сильнее.
Иди вперед, и пусть твоим глазам
Живая даль откроется яснее...

Иди вперед! Всю силу правоты
И всю любовь найдешь ты в сердце нашем.
Мы трудное замыслили, но ты
Исполни все, что мы тебе накажем.

Большой войны невероятный груз
Мы пронесли, все трудности изведев.
Во имя мира береги Союз!
Во имя жизни береги Советы.

Вослед войне идут пути труда,
Вослед войне идут пути заботы —
Поднять из пепла наши города,
Восстановить и выстроить заводы.

У нас теперь великих дел гора.
Ты погляди в поля — они бескрайни,
Но им нужны машины, трактора,
Нужны колхозам новые комбайны.

Будь с нами до конца.

Душа мечты

Переживет все радости и боли,
Мы изберем тебя, и должен ты
Исполнить все согласно нашей воле.

ГОРОД

В плену у парков и садов
Мой город стал, в большом и малом,
Одним из лучших городов,
Что вы найдете за Уралом.

Заводов трубы там и тут
Встают над городом Любимым,
и рощи трубные цветут
весь год
зеленоватым дымом.

Вблизи ли, с дальнего ль пути,
Он отовсюду строен, ладен —
Красив, куда ни погляди,
и, как ни погляди, — громаден!

Высок.
Походкой деловой,

спеша с работы иль к работе,
с приподнятою головой
мои сограждане проходят.

В груди — избыток,
хоть кричи
на удивление проходим,
что клал я эти кирпичи
и эти камни клал я тоже.

С чертами нашими сличи
его черты — ведь мы похожи!
Такой просторный и простой,
Среди родных лесов и пашен,
Красив он
нашей красотой,
И молод
молодостью нашей.

* * *

И. Мухачеву

Отцветает тополь,
Белый пух кружится.
Покружившись вдоволь,
На виски ложится.

Стал он сединою,
Этот пух крылатый...
Наконец-то мною
Найден виноватый.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Одна страница перелистнута,
Шесть строк —
И книжка прочтена.
Но в эти строки много втиснуто,
Полжизни, не считая сна.

Она скромна.
Сусальным золотом
Ее никто не покрывал.
Вот первая строка —
Под молотом
Два года я ее ковал.

Душа от гордости расправилась
У парня, росшего в селе.
И каждый видел,
Что прибавилось
Одним рабочим на земле.

Второй строкой
Три года отнято,
Она была в литейной отлита...

В те дни,
Не очень отдаленные,
Она казалась огневой.
Теперь остыла, закаленная,
И отливает синевой.

Шесть строк,
И кованных и лавленных,
Шесть строк,
Коротких и простых,
Шесть вех,
Негаданию поставленных

На поворотах
На крутых.

Шесть глав
Неповторимой повести
О судьбах на земле родной —
Шесть строк —
Как шесть упреков совести
За не написанное мной...

Припоминаю наставления
Литейщиков и кузнецов,
На что потратить вдохновение,
И красоту, и силу слов:

— Пиши, да так,
Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле...

— Пиши, — сказали, —
Коли пишется,
Коль жизнь способности дала,
Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО...

У домен
Есть свое отличие.
Здесь выход чугуна
Не зря
Торжественностью и величием
Подобен выходу царя.

Пред башнею,
Где руды плавятся,
Все,
Кто в заботах ночь не спал,
Стоят и ждут:
Сейчас появится
Его Величество Металл.

Он вышел...
Люди расступаются,
Растроганные красотой.
Идет —
И звезды осыпаются
С его короны золотой.

Не скрыть,
Не спрятать изумления
Ни горновым,
Ни мастерам...
Но,
Ожидавший поклонения,
Он поклонился людям сам.

ПОЛЫНЬ-ТРАВА

Витая в облачных туманах,
Последних ожидая виз,
Они сидят на чемоданах
И ждут отправки в Коммунизм.

Они душой и телом «новы».
— Скорей, скорей! — твердят всегда...
Хоть завтра, хоть сейчас готовы
Они отправиться туда.

Другие грязи не боялись,
А эти, презирая труд,

От пережитков очищались,
«Очистились» — сидят и ждут.

Таким легко:
Спиной к заботам,
Лицом в мечтательный туман...
А мне идти с моим заводом,
Опять не выполнившим план.

А мне дорогами крутыми
На поиск небывалых дней
Идти с соседями моими,
Со всей оравой их детей.

А мне шагать с моей любимой
Сквозь кухонный переполох,
С моей нигде не заменимой
И даже в лучшей из эпох.

А мне, забыв о нареканьях,
Без страха, без обиняков,
Ругаться, спорить на собраниях
И наживать себе врагов.

Горячим словом,
Словом бьющим,
О, если б мог я передать
Всю ненависть к лениво ждущим —
Жизнь слишком коротка, чтоб ждать!

До времени —
Пока вы ждете —
Моя седеет голова...
Ведь вы же нашу жизнь крадете,
Как сок земли —
Полынь-трава!

* * *

Пересохли жаркие ручьи
Отпылали, отшумели страсти...
Возвратясь от доменной печи,
Охнул, слег и...
Умер старый мастер.

Не было сединки в бороде,
Даже грудь, по слухам, не болела,
Просто у него в большом труде
От железа кровь отяжелела.

И зимой
По стуже ледяной,
Знойным летом, в мареве белесом,
Взятое из недр земли родной,
Поездами шло к нему железо.

Дань земли,
Что брал он, велика:
Из ручьев горячих,
Бивших в створы,
Огненная вышла бы река,
А из руд
Могли б сложиться горы.

И теперь
За все, что в недрах брал,
Что в огне горячем переделал,
Он земле в уплату отдавал
Маленькое сухонькое тело.

Никому,
Кто знал его давно,
Не казалась малой эта плата.
Сухонькое, легкое, оно
Стоило того,
Что было взято.

ДРЕВО ЖИЗНИ

Сосна тянулась вверх,
У ней
С годами крепи ствол и ветви,
И протекало меж ветвей
Неторопливое столетье.

Потом начался век второй,
И поднялась она высоко,
Под грубую ее корой
Прошли и загустели соки.

По жильному прошли стволу,
Чтобы в надresaх заструиться
Живой смолой,
И ту смолу
Назвали старики живицей.

Божественная кровь сосны,
Добытая в древесной ранке,
В дни самых страшных дней войны
Сжигала вражеские танки.

А у нее медовый вид,
На ней и звезд и солнца трепет,
Приложишь к ране — заживит,
Приправишь краску — краски скрепит.

А сердце? Вечно ли оно?
Но капли сдобренной живицы,
Как многолетнее вино,
Заставит сердце чаще биться.

Недаром
С нежностью в глазах,

За службу верную отчизне,
Сосну столетнюю в лесах
Зовут, как должно, —
Древом жизни.

* * *

Учитель
Через много лет
Прочтет вопрос
На детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?»

Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была —
Все там же,
За хребтом Урала?»

И, давней битвы
Рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
«В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою».

СМЕРТЬ ПОЭТА

Ни поэзии,
Ни символики,
Ничего, ничего больше нет.
Очень скромно,
На узеньком столике,
Уместился большой поэт.

Было длинно лицо небритое,
Глаз закрытых синел овал,
Будто что-то давно забытое
Он, откинувшись, вспоминал.

Напряженье над бровью значится,
Гордой мысли застыл замах;
Эта мысль, ускользая, прячется
На холодных его губах.

Вот крадется в углы к усам его,
К бороде норовит сползать...
Может быть, всю жизнь
Это самое
Он готовился нам сказать.

МАСТЕР

Три года живу я в столице,
Люблю я столицу...
И вот
Когда она вся озарится,
То чем-то напомнит завод.

Припомнится город сибирский,
И тут же привидится мне:
Летят автогенные брызги,
Скользя по кирпичной стене.

И вдруг ни с чего затоскую,
Да так, что сдержаться нет сил,
И вспомню тогда мастерскую
И цех, где я мастером был.

Представлю на миг лишь единый
Пролеты больших корпусов,

Бульдозеров гнутые спины
И вздохи чугунных прессов...

Рабочих
За именем имя
Проходит минутой такой...
И станет завидно, что с ними
Работает мастер другой.

И может быть, так,
Между прочим,
Хорошую память храня,
Какой-нибудь старый рабочий
Ему говорит про меня:

Москва, мол, кому не приснится!
И он-де, упрямый такой,
Уехал за песней в столицу,
А песня живет в мастерской.

И скажет еще,
Что теперь я
Решил подучиться и сам,
Охотно уйдя в подмастерье
К московским большим мастерам.

Тогда неумным желаньем
И верой наполнится грудь,
Что я свое прежнее званье
Сумею обратно вернуть.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

В этом городе
Я сиротлив.

В этом городе
Стал я несчастней.
Без тебя,
Молодой,
Золотой.
Одинокому сердцу опасней
Повстречаться
С такой красотой.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

В этом городе
Стал я наивней.
Безысходную страсть затаив,
Принимаю весенние ливни
За тяжелые косы твои.

Этот город,
Слишком красив,
Слишком красив.

Ты отходишь,
Не видя,
Не глядя.
Вскинув руки,
К тебе я бегу.
Ты отходишь,
И кос твоих пряди
Я ловлю
И поймать не могу.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

И мечусь я,
Не видя укрытий,
Слыша цокот копыт за спиной...

Успокойся, заботливый критик:
Медный Всадник
Не скачет за мной.

* * *

Что пользы
Вечно малым пробавляться:
Бояться жить
И умереть бояться!

* * *

Среди чужих и неприветливых
Иду, внимательный прохожий,
Я знал немало этих ветреных,
Немного на тебя похожих.

Тебя любить душа не силилась,
Но лишь тебе, одной тебе,
Замеченной в густой толпе,
Мое признание песней вылилось.

ВСТРЕЧА

Приход любви необычаен.
Я все неведомую звал,
И все искал я, а встречая,
Знакомых черт не узнавал.

Но раз,
Минуя дом кирпичный,
Я повстречал ее зимой
На перекрестке, где обычно
Я поворачивал домой.

Мне было весело.
Возможно,
Чтоб только время скоротать,
Бессмысленно, неосторожно
О жизни начал я болтать...

Молчала.
Повернула вправо.
Ни в чем, казалось, не виня,
Как снисходительно лукаво
Она взглянула на меня!

Я был расчетливым и трезвым,
Но понял, в чем-то уличен,
Что всякий путь к иным отрезан,
Что всякий выбор исключен.

Тогда была не без уступки
На все поставлена печать,
Что я за все ее поступки
Отныне буду отвечать.

А после
Шагом осторожным
Шагал я рядом, как немой,
И показалось так ничтожным
Вначале сказанное мной.

* * *

Ты шепчешь,
 что в моей груди
И неуютно, и морозно,
Я душу распахнул — входи,
Входи, пока еще не поздно.

Когда войдешь, робея, ты,
Не испугайся темноты,
Но сердце отыщи живое
И подними над головою.

Когда, забытое давно,
В руке засветится оно,
Когда заискрится, —
 по аду, —
Неси как вечную лампаду.

Смешная, не твоим ногам
Спускаться по его кругам
Все ниже, через круг запретный,
Туда, где пляшет пламя Этно.

Ты вянешь на моей груди,
В которой тоже были весны.
Я душу распахну — входи,
Входи, пока еще не поздно.

* * *

Немало я видел
Красавиц бедовых.
Что ж гонит меня
В переулки Садовых
По свежемуснегу,

По белому насту?..
Такое со мною
Бывает не часто.

Не поздно ли?
Поздно.
В любовные сети
Не надо запутывать
Добрых соседей.
Не лучше ли тихо,
Сторожко-сторожко,
Условною дробью
Пройтись по окошку.

Крадусь пустырями,
А сердце все ноет:
Откроет ли поздно?
Откроет!
Откроет!

Когда бы спешил,
Не увидел бы мету,
Что шел я к окну
По готовому следу.

Тогда б не услышал,
Сойдясь со стеною,
Что весело милой
С другим,
Как со мною.

Не надо стучаться.
Не надо стучаться.
Не надо встречаться.
Не надо встречаться.

С любовью такую
Теперь не ужиться.

Пойду за метелью
Свистеть и кружиться.

Насмешкой
Над нежностью
Чувств непочатых
Пятнает мне сердце
Следов отпечаток,
Пылает обида
Ночного размена.
Кричу всему свету:
Измена!
Измена!

Сегодня метель
Для неверной подмога,
Она замедает
Следы до порога,
А снег,
Что в открытую душу
Влетает,
Все тает,
Все тает,
Коснется — и тает...

* * *

Все равно
Нам с тобою не слиться,
Как сливаются вольные реки.
Ревновать буду часто и злиться,
Как ревнуют и злятся
Калеки.

Дорогая,
Волной серебристой

Мы, сойдясь, не покатымся оба.
Даже в речке, большой,
Но не быстрой,
Ты осталась бы речкой особой,
Беспокойной,
Всегда серебристой.

Но и тихие реки весною,
До краев наполняя излуки,
По долинам,
Дразня белизною,
Тянут к милым
Разливные руки...

Без тебя мне
И больно и грустно.
Навсегда расставаясь с тобою,
Я свое помелевшее русло
Берегами крутыми прикрою.

* * *

Радость,
Нежность
И тоска,
Чувств нахлынувших
Сумятица.
Ты — как солнце
Между скал:
Не пройти
И не попятиться.

На тебе
Такой наряд:
Сердце вон
За поглядение.

Ты светла,
Как водопад,
С дрожью,
С ужасом падения.

Ты извечная,
Как Русь,
Ты и боль
И врачевание.
Я не скоро
Разберусь,
В чем твое
Очарование.

* * *

Как случилось,
Не заметил,
Что в тебя я так влюбился,
Как случилось,
Что, целуя,
Оторваться не могу!..

Как случилось, дорогая,
Что ты стала всех дороже,
Как случилось, что другая
Потеряла красоту!..

Если сердце ошибется,
Пусть его любовь накажет
Но не верю я, что сердце
Ошибалось хоть на миг!..

Если разум ошибется,
Пусть его затмит измена,
Но не верю я, чтоб разум
Был плохим поводырем.

Почему, как Прометея,
И меня ты приковала,
Неужели я похитил
Пламень сердца твоего?!

МАТЕРИ

Есть такой порыв неодолимый,
Когда все высокой страстью дышит,
Пишет сын стихи своей любимой,
Только писем
Он тебе не пишет.

Не писать же в них,
Что не на шутку,
Как отец кулачный бой и пьянку,
Полюбил он, вопреки рассудку,
Легкую, как ветер,
Москвитянку.

Вся она
Сплошное заблужденье.
Нужно — до чего невероятно! —
Возвратиться с ней
К ее рождению,
А потом
Вести ее обратно.

Верю я,
Что люди очень скоро
Подобреют в мудрости глубокой,
Но любовь, как яблоко раздора,
Навсегда останется
Жестокой.

Ты прости,
Совсем небоязливым

Прикоснулся я
К такому стану
И такому сердцу,
Что счастливым
Никогда, наверно,
Я не стану.

* * *

Я видел:
Еще до рассвета
Он шел от тебя, точно вор...
Как только увидел я это,
Тебя ненавижу с тех пор.
О, как ненавижу!
Ну, кто ты?!
И так, ненавидя, люблю,
Что вымажу дегтем ворота
И окна тебе разобью.
В подъезде забесятся львицы,
Твою сторожившие честь.
Плевать мне на то,
Что в столице
Смешна деревенская месть.

СОНЕТ

Когда судьба с тобой меня свела —
Наивно-легкомысленной, как дети,
Я спрашивал: откуда ты взяла
Неведомые мне привычки эти?

Ты голову смущенно подняла,
Твои слова, сказала ты, как плети!
Но кто виновен в том, что на рассвете
Я не тебя впервые обняла.

Мне стало жаль твоих печальных глаз
И твоего покинутого друга —
Года идут, идут, и каждый час
Мы близостью своей творим друг друга.

Дай бог, чтобы по строгости твоей
Другой не знал о странности моей.

* * *

Бессонница.
С моей тоскою
Отчаянья не превозмочь.
Огромной грифельной доскою
Упала северная ночь.

Все спят.
Не изменяя позы,
Лишь я куда-то все гляжу,
Концом горячей папиросы
Всего два слога вывожу...

Пишу по черному
«Ла... Ле..» я,
«Ла... Ле..», понятное двоим.
Родная, с именем твоим
Везде становится светлее.

* * *

Я тебя представляю
Поспешно шагающей к дому и
На поклоны отзывчивой.
Голову часто клоня,

Ты кому-то киваешь.
Я знаю, твои все знакомые
Посмелели с тех пор,
Как в столице
Не стало меня.

Я тебя представляю
И дома,
Неслышно ступающей,
Представляю за книгой,
Под лампою — в светлом кругу.
Я тебя представляю
Немножко-немножко скучающей
Но влюбленной в меня
Я представить тебя
Не могу.

* : *

Я целовал твоё письмо,
Не унимая нервной дрожи.
В нём наказание само,
В нём отречение — и все же
Я целовал твоё письмо.

Могло бы быть совсем иначе.
Не плачу я и не корю.
Но, и не плача, говорю:
Могло бы быть совсем иначе.

Мне говорят мои года,
Что бесполезен поздний опыт,
Что я нигде и никогда
Не повторю любовный ропот...
Так говорят мои года.

Я не тебя,
Я мир теряю.
Не жалуясь и не сердясь,
Тебе я горе поверяю:
Поэзии живая связь
Оборвана...
Я мир теряю!

* * *

Найду ли я дорогу на Москву?
Душа мятется в белой лихорадке,
Немеет сердце, и в моем мозгу
Рождается боязнь — пути не гладки,
Найду ли я дорогу на Москву?

Свою любовь покинул я в Москве.
Как часто на пути, в лесной избушке
Случается в мучительной тоске
Все высказать приветливой старушке —
Свою любовь покинул я в Москве.

Мне дорого сочувствие людское,
Не взятое душою напрокат,
Тогда я, насмехаясь над тоскою,
Предчувствую, что счастлив и богат.
Мне дорого сочувствие людское.

Но мне твоя любовь еще дороже,
Когда пути к тебе занесены,
А я иду по утренней пороше,
Живому чувству дружбы нет цены,
Но мне твоя любовь еще дороже.

В своей
Скитальческой судьбе
Я много думал о тебе.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я думал:
Все пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

Я думал,
Думаю и ныне,
Что справлюсь
С трудностью любой,
Пока мой разум не покинет
Надежда встретиться с тобой.

Я думаю:
Ничтожны муки,
И сколько ни пришло бы их, —
Пока приветливые руки
Касаться будут рук моих.

Но в эту ночь по Барабе
Такие ветры завывали,
Что даже мысли о тебе
Меня уже не согревали.

Застыли ивы в декабре...
И я под вой пурги истощный
Припал лицом
К рябой коре
Холодной ивы придорожной.

О, если бы она дала
В тот час утратившему силы
Хоть толику того тепла,
Которое в себе таила!..

В жестоком
Снежном мятеже,
Когда зарыться в снег охота,
Я замерзал — и глаз уже
Коснулась смертная дремота.

И ты пришла...
И в полусне
Ты все-таки пришла ко мне.

Сквозь непроглядную метель
Идти меня поторопила,
Сказав, что постлала постель
И печку в доме затопила.

И голос твой
Меня увлек...
Разгоряченного от бега
Ты привела на огонек
И растворилась
В хлопьях снега.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я говорю:
Пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

* * *

Если б
Богом я был,
То и знал бы,
Что творил
Женщину!

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину!

Но
Не бывшую со мной
И не ставшую женой
Женщину!

* * *

Милая моя, милая, —
Милому вымолить мало.
Какой неземною силою
Ты меня приковала?

Милая моя, скрытная,
Кто тебе дал, по грешности,
Эти глаза магнитные
И руки нежнее нежности?

Если из них, любимая,
Будет петля устроена,
Сделай, чтоб жизнь моя
Была ее удостоена.

Шею мою,
Не спеша,
Сдави
Так, чтоб, слабея силою,
Видел я долго глаза твои,
Губы твои, любимая.

Глядя в очи остывшие,
Смейся, смейся...
Не бойся!..
Пусть подумают, милая,
Что мы оба смеемся.

ЛАНДЫШИ

Ларе

Девушка кричала
В толпе шумливой:
— Ландыши! Ландыши! —
Взял букетик, подал любимой:
— На! Дыши!

Залюбовалась букетом белесым
Лучшим из моих подношений.
— Пахнут, — сказала, — и лугом, и лесом
И холодком
Наших с тобой отношений.

Я об этом подумал тоже
И, подумав, взгрустнул от души.

А девочка кричала,
Кричала прохожим:
— Ландыши! Ландыши!

* * *

Ларе

Мне с каждым днем
 труднее жить,
И вспоминать
 в большой кручине
Те дни, когда я мог любить
Не так мучительно, как ныне.

Веселых песен не пою
И в счастье верю очень слабо —
И днем и ночью грудь мою
Терзает огненная жаба.

Меня усталость валит с ног,
Душа горит, а сердце стынет...
Любимая, я одинок,
Как дервиш в голубой пустыне.

Быть может, для твоей души
Я больше ничего не значу...
Любовь твердит:
— Пиши! Пиши! —
Вот я пишу тебе и плачу.

* * *

До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,

Мимо звезд, набегавших из ночи,
На стальном я летел корабле.

Наши сроки межзвездные кратки:
Там минута — здесь жизнь.
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забегал я на землю твою.

Забегал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.

А меня уже —
Ты ведь не слышишь —
Мой корабль отдохнувший зовет;
Тише ветра,
Дыхания тише
Он сигналы свои подает.

И хочу я
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.

ЗВЕЗДА

Л. Ф.

Неравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь,
Когда

Средь звезд,
Горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?

Ты помнишь,
Как тебя пугало,
Что та звезда
Средь звезд других
То совершенно потухала,
То разгоралась ярче их?

Так и любовь.
То вспыхнет тоже,
То вдруг погаснет, на беду...
Она у нас с тобой похожа
На ту капризную звезду.

Мне долго было неизвестно,
Как жизнь планетная течет.
Однажды тайну тел небесных
Открыл мне старый звездочет.

На голубые гляди точки,
Сказал он мне тогда:
— Сравни
Все эти звезды-одиночки,
Без перемен горят они...

А ваша,
Что предстала взглядам
Печальным признаком беды,
Не одинока...
Это рядом
Бредут по небу
Две звезды.

* * *

Под крышей
Чужого закута,
Внося в мою жизнь разнбой,
Мне снилась такая минута,
Когда я был счастлив с тобой.

Приснился мне берег Катуня,
Бегущей в алтайских горах;
Мне снился тот берег в июне,
И был этот берег в цветах.

С тобой мы пошли за цветами,
И, словно в охотничий рог,
Шофер призывными гудками
Нас звал
И дозваться не мог...

Мой сон
Был на правду похожим.
И в нем,
Не могу передать,
Мечтал я о чем-то хорошем,
Но так и не смог домечтать.

* * *

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и складно пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?

Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...

Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

ПУРГА

Боевая,
Во всем умелая,
Ты в одном у меня сдаешь:
Что ни выскажу, что ни сделаю,
Все чего-то недопоймешь.

Вот беда...
Не прийти к разладу бы,
Не нажать бы с тобой нам зла...
Что-то, милая, сделать надо бы,
Чтоб меня ты во всем поняла.

Черноспелую брать смородину
И грибы собирать в лесу —
Повезу я тебя на родину,
В даль сибирскую повезу.

Птичий посвист
В лесу послышится,
И когда ты пойдешь тропой,
Закачается, заколышется
Небо синее над тобой.

В тень присядешь,
В лесу — несмелая,
И услышишь ты:
«Чёк... чёк... чёк», —
Это ягода переспелая
В тихий падает родничок.

Тронут сердце
Находки частые...
Тут черника...
А там опять
Грузди, белые, разгубастые,
В прятки вздумали поиграть.

А поверх,
Заручась согласием,
Молодую не тронув ель,
Двум соседям — березе с ясенем —
Кружит голову белый хмель.

Может статья,
Наш край открывая,
Скажешь, ссору успев забыть:
— Милый мой, я тебя понимаю... —
Как задумано, так и быть.

*

Поезд замер
И бросил клич свой...
Я шутливо сказал жене:
— Мы приехали,
Ваше Лиричество,
Чемоданчик доверьте мне.

Эта станция узловая,
Называют ее Тайгой...
От нее до речонки Яя
Остается подать рукой.

За билетами,
За плацкартами
Не бегу к большому окну,
Не помакиваю мандаматами,
На дежурного бровь не гну.

Где-нибудь
И пошел в атаку бы,
Ну, а здесь, в стороне родной,
Тсс! — мигаю
И палец на губы:
Дескать, молча иди за мной.

Тут я вспомнил
Приемы детские,
Чтобы «зайцем» пуститься в путь...
— Мы покажем корреспондентские! —
Нет! О них ты совсем забудь!

Есть у страха
Своя гипербола...
Помню, в детстве, я ехал так, —
Было детство мое и не было
Никаких охранных бумаг.

В четком ритме
Движенья быстрого
Я рассказывал, где бывал, —
Словно жизнь свою перелистывал
И углы страниц загибал.

..

И пригорок,
И спад овражковый
Лишь успели мы с ней пройти —
Луг саранковый и ромашковый
Забелел на нашем пути.

Поглядев,
Как над всею местностью
Мотыльков мельтешила тьма,
Побледнел я смертельной бледностью:
Мне припомнилась та зима.

Снег кружился
Над лошаденкою,
Над кустами этих лугов,
Над притихшим в санях мальчонкою —
Безобиднее мотыльков.

Снег кружился,
Шутил, пошучивал
И, скрывая дороги даль,
Все сильнее, все злей закручивал
Небывалой пурги спираль.

Скрылось все,
Даже хвост кобылий...
Подгоняющая лоза,
Дрогнув, выпала,
И застыли
Слезы крупные на глазах.

И позднее,
Когда глубоко
Когти белые в грудь впились,
Думал холодно и жестоко,
Как проживший долгую жизнь.

Думал:
«Нет, не покину сани я,
Чтоб потом... не искала мать...»
И мальчишеское сознание
Торопилось все наверстать.

И всей волею,
И всей силою
Свое будущее призывал...
Жил, работал...
Встретился с милою...
И впервые поцеловал.

Между встречей и расставанием,
Помню, пробил мой горький час...
Только вместе с моим сознанием
Милый образ ее погас.

Не пойму,
Как меня увидели
В той пурговой глухой ночи?!
Отогрели меня строители
На горячей большой печи...

Я сказал ей,
Глядевшей с робостью,
Что меня — и не та одна! —
Наградила пурга суровостью,
Ну, а нежность дала весна.

Мы отметили
День прибытия,
Потому что с этого дня
Для нее началось открытие
Края нашего и меня.

СКУЛЬПТОР

Он так говорил:
— Что хочу — облюбую,
А что не хочу — недостойно погони. —
Казалось, не глину он мнет голубую,
А душу живую берет он в ладони.

Ваятель,
Влюбленный в свой труд до предела,
Подобен слепому:
Он пальцами ищет
Для светлой души совершенное тело,
Чтоб дать ей навеки живое жилище.

Не сразу,
Не сразу почувствовать смог он,
Не сразу увидеть пришедшие властно:
И девичий профиль,
И девичий локон,
Капризную грудь,
Задышавшую часто...

Но тщётно!
И, верен привычке старинной,
Он поднял над нею дробительный молот
За то, что в душе ее — глина и глина...
За то, что в лице ее — холод и холод...

Нам жизнь благодарна
Не славой охранной,
А мукой исканий, открытием секрета...
Однажды,
На мрамор взглянув многогранный,
Ваятель увидел в нем девушку эту.

Невольно тиха
И невольно послушна,
Она, полоненная, крикнуть хотела:
«Скорее, скорее!
Мне больно, мне душно,
Мне страшно!
И мрамор сковал мое тело».

— Не будешь,
Не будешь,
Не будешь томиться,
Ты видишь, как рад твоему я приходу! —
Схватил он резец,
Словно ключ от темницы,
И к ней поспешил,
Чтобы дать ей свободу.

Заспорил он с камнем,
Как с недругом ярым...
И, споря с тем камнем,
Боялся невольно,
Чтоб пряди не спутать,
Чтоб резким ударом
Лицо не задеть
И не сделать ей больно.

Из белого камня она вырывалась,
Уже ободренная первым успехом,
С таким нетерпеньем,
Что мрамор, казалось,
Спадал с ее плеч горностаевым мехом...

С тех пор,
Равнодушная к пестрым нарядам,
Легко отряхнувшись
От мраморных стружек,
Глядит она тихим,
Задумчивым взглядом
На мимо идущих веселых подружек.

На жизнь трудовую,
Чтоб здесь не стоять ей,
Она променяла бы долю такую.
Стоит и не знает она, что ваятель,
Блуждая по городу,
Ищет другую.

* *

Когда в печи
Большого дома
В рождественские холода
Горит ячменная солома,

А не дрова горят,
Тогда
Истопникам
Не счесть терзаний.
Чтоб стало в доме том теплей,
Вгоняют в мыло лошадей,
Рвут хомуты,
Ломают сани.

Все чаще, милая,
Все чаще
Прошу тепла,
Прошу огня...
Так, может быть,
Не настоящей
Любовью греешь ты меня?

* * *

Лучше сразу бы сказала злое,
Чем расстраивать обиняком.
Я тебя ловлю на каждом слове
И на каждом вздохе о другом.

Глупые,
Смешные подозренья!
Но когда сомнение не спит,
Каждое твое разуверенье
Только лишний повод для обид.

И когда
Всем сердцем негодую
И от боли чуть ли не кричу,
Все же ты не думай,
Что ревную...

Просто я тебя, мою родную,
В жалком свете
Видеть не хочу.

* * *

Я жил — не заметил
Ни дня,
Ни причину,
Что первую мне
Прописала морщину.

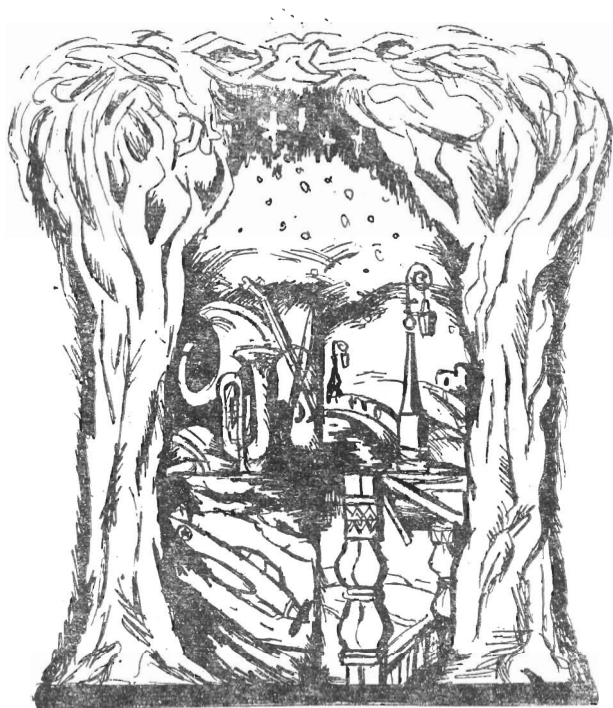
Я жил — не заметил,
Пора спохватиться,
Что было мне двадцать,
Что стало мне тридцать.

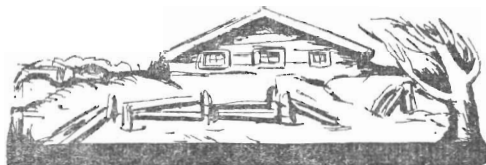
Я жил — не заметил;
Заметив, не плачу,
Что много утратил,
Что больше утрачу.

Желанному счастью
Шагая навстречу,
Я, может быть,
Встретив его,
Не замечу.

ПОЭМЫ

МАРЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

1

Одна, последняя верста...
Вот с высоты горы отлогой
В широкую ладонь моста
Упала узкая дорога.

Где, выступая с двух сторон,
Деревья, точно на параде,
Всей тяжестью душистых крон
Касались тонких перекладин;

Где на высокую дугу
Завился хмель, созревший в пору.
И я уже почти бегу
По травяному косогору.

Меня прохладою обдав,
Ручей примчался на братанье.
Гремела светлая вода,
Как будто по моей гортани.

Ручей, играя, то сверкал,
То меж ветвями хоронился,
Являлся, искры высекал
И мчался дальше...

Я склонился
Так низко, что была видна
Вся глубь.
Я посмотрел — и замер:
Не детство ли мое со дна
Глядело ясными глазами,
Забытыми давным-давно?

Губами в дрогнувшие губы
Я неотрывно впился,
Но,
Лицо перекошилось грубо
И потонуло...

Долго вниз
Глядел я, затаив дыханье, —
Там плыл смородиновый лист
Кружа мои воспоминанья.

* * *

За лесами ли, горами ли,
Будто с милой вновь сидим
Неподвижно, точно замерли,
Настороженно глядим,

Как высокою травую
Пробираясь в ранний час,
На дорогу вышли двое,
Так похожие на нас.

Впереди мальчишка смелый —
Не мальчишка, а гроза.
У него спадает белый
Чуб на серые глаза

А у девочки по ситцу
Бьются темные косицы.

Дни летят, как птицы в стае,
Соблюдая свой черед...
Смотрим, парень подрастает,
Видим, девушка растет.

Стали косами косицы,
Превратилась тропка в путь...
Но любовь, что часто снится,
Паренек еще боится
Поцелуем отпугнуть.

И стоит он безответно...
Мне бы, той межой скользя,
Подойти и незаметно
Подсказать бы, да нельзя.

Подсказать бы, что в разлуке
Будут раны, будут швы,
Будут всяческие муки,
Будет горе...
Что же вы?!

У синеющих отрогов,
На границе двух долин
Их широкую дорогу
Расколочил зеленый клин.

К верстовым далеким знакам,
Подставляя ветру грудь,
Он пошел широким шагом, —
И его не повернуть.

Мне прибрелось, приснилось,
Как, печальная, она
Незаметно растворилась
В голубом разливе льна.

Лен слепит голубизною
И качается врасхлест...

Никого передо мною:
Лишь ручей
Да старый мост.

* * *

Как тягостного разлученья
Необходимые посты,
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

Они дороги наши сводят
На бревна, павшие в накат;
По ним всегда вперед уходят,
Но не всегда идут назад.

Мост старили дожди и ветры,
Но я нашел и оглядел
Давно оставленные меты,
А свежих не было нигде.

Как в летопись,
По старым пятнам
Вписал я всем чертям назло:
«Домой вернулся в 45-м...»
А ниже — месяц и число.

В раздумье
Я сидел на слеге.
Мне слышался издалека
Неторопливый скрип телеги
И стук пустого котелка.

Мне слышалось воды теченье,
Заворожившее кусты.
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

* * *

А ветер, вея, льнул к лицу,
Шептал тихонько: «Насовсем ли?»
Допрашивал, взметнув пыльцу:
«Не позабыл ли нашу землю?»

Обидно было, что нельзя
Налюбоваться вдоволь ею.
Хотелось показать друзьям,
Где я живу и чем владею.

И огорчало лишь одно:
Пять лет назад вон там бескрайно
Синело озеро...
Оно,
Невозмутимое, как тайна,
Теперь травой заросло,
Осокой заросло зеленой.

И все-таки в свое село
Входил я,
Встречей окрыленный.

* * *

Домой уже брели стада,
Подернутые дымкой смутной.
Когда надвинется страда,
То улицы совсем безлюдны.

Лишь марьевские кузнецы
Стучат упрямо молотками.
Зато поля во все концы
Как бы усеяны платками.

Лучи косые вдруг блеснут,
Как будто, уходя с покоса,

Колхозницы домой несут
Зарю вечернюю на косах.

Мне трудно было бы узнать
Черты покинутой подруги.
Но мать... Ко мне шагала мать,
Раскинув для объятья руки.

В лучах зари она росла,
На холм входя тяжеловато, —
Казалось, на плечах несла
Всю тяжесть позднего заката.

2

Верила все, что дождется, —
Мать не умеет иначе.
Плачет, когда расстается,
Встретится — тоже поплачет.

С прежнею вносит заботой
Старую ложку и вилку,
Будто пришел я с работы
От полевой молотилки.

Будто пришел я и надо
Прежде поесть и напиться —
Просто пришел из бригады
В дядькиной бане помыться.

— Вот!..
Помоги-ка, сыночек!.. —
Вынесла, виданный с детства,
Желтый такой туесочек,
Круто промазанный тестом.

— Выпей... —
За сердце хватает

Сок, побежавший сильнее,
Пью я, а мать наблюдает
И почему-то пьянеет.

Вот он, мой дом!
Почему же
Верит душа и не верит?..
Стали и ниже и уже
Настежь открытые двери.

Тетка Агаша в просвете,
Меж косяками дверными, —
Вся как на старом портрете,
Только с чертами иными.

Сердце от жалости стынет,
Глядя на скорбные руки...
Думал, что спросит о сыне,
Думал, что спросит о друге.

Вот, отойдя понемногу,
К маме она обратилась:
— Анна, какому ты богу
Так терпеливо молилась?

* * *

А где-то рядом, за окном,
Играет гармонист
О том, что с веток, невесом,
Слетел последний лист.

Вослед стремительным годам
Он кружится,
И пусть
По тонко тронутым ладам
Перебегает грусть.

Ах, не грусти ты и не тронь
Потерянных имен,
Косноязычная гармонь
Неведомых времен!..

* * *

На горьком аромате трав
Настоян был горячий воздух.
Как прежде, голову задрал,
Гляжу на марьевские звезды.

Не надо б,
Но глаза косят,
Глаза глядят — не наглядятся...
Мое хозяйство! Пусть висят,
Когда-нибудь и пригодятся.

Мне, видевшему столько зла,
Что мне теперь миры иные!
До звезд ли, если есть дела
Первостепенные, земные!

Она, мол, ждет, сказала мать,
И я иду по старым тропам
И начинаю привыкать,
Как пахнет тмином и укропом.

Широкая тропинка та
Казаться стала узкой-узкой...
Вдруг распахнулась темнота
Мелькнувшей рядом белой блузкой.

В тот миг не видел ни лица,
Ни черных кос, сплетенных туго.
Не мы сначала, а сердца
Узнали в темноте друг друга.

Крылами рассекая мрак,
Над нами птицы пролетели.
Так хорошо и чисто так
Давно-давно мы не глядели.

Сказал, что лучшей не встречал
Я в землях русских и нерусских.
Как будто ветер закачал
Цветы, расшитые на блузке.

И сразу замерли цветы,
Когда, склонившись к ней, красивой:
— Другого не любила ты? —
Некстати так ее спросил я.

Горячую струну лишь тронь,
Струна заплачет и застонет...
— Ты что!.. — И девичья ладонь
Сказала все моей ладони.

3

Не гость,
Не какой-то прохожий —
Когда-то я здесь вырастал.
Чем дальше мы шли, тем дороже
Нам были родные места.

Мы шли на крутые отроги,
Мы шли по долине,
И нас
На пыльной широкой дороге
Шумливый догнал тарантас.

— Садитесь!..
На свадьбе на вашей
Вина с медовухой поьем!..
— На вашей на радости, Маша,
Мы грустную песню споем...

«Я на горушке стояла,
Я Егорушку ждала,
Кашемировым платочком
Я помахивала.
Молодова, удалова
Я приманивала.

Прилетели наши гуси,
Гуси серенькие,
Помутили гуси воду,
Воду светленькую.

Зачерпнула я ведерком
Воду мутную,
Понесла я свою долю,
Долю трудную...»

Мне больно и страшно обидно,
Что в тесном кругу среди них,
Как прежде бывало, не видно
Соперников гордых моих.

Я в жизни своей необычной
Себя не старался спасти.
Прости меня, друг закадычный,
Мой верный товарищ, прости!

Я знаю, печальная доля —
От ратных трудов отдыхать.
Не жать тебе спелого поля,
Не сеять тебе, не пахать...

* * *

С пылью на лапчатых шинах,
Все довоенной поры,
Грузные автомашины
Мчались на гребень горы.

Словно узор рисовали
На подорожной пыли.
Вырвались, побуксовали
И потерялись вдали.

От молотильной бригады
Автомашинам вдогон
Пестрая шла кавалькада,
Пересекая загон.

* * *

Коровы круторогие
Домой везут воза,
Полуприкрыв широкие
Печальные глаза.

Трава густая снится им,
Зеленая скользит
За темными ресницами,
За длинными...

Вблизи,
Спокойная, вся белая,
Раскланялась со мной.
Мол, видите, что делаю, —
Приходится самой.

Что трудности имеются,
Понятно даже ей.
Мол, время ли надеяться
Теперь на лошадей?

Работа напряженная!
При деле при таком
Она и запряженная
Все пахнет молоком.

О том, чтоб не работала,
Вернула прежний вид,
На белой шее ботало,
Что колокол, гудит.

И звон тот не утишился
И не ушел на спад —
Он долго-долго слышался,
Тревожный, как набат.

* * *

И вскоре,
Молчанье нарушив,
У Маши спросил я, упрям:
— Зачем, бередя мою душу,
Ты водишь меня по полям?

Не рад я такому показу,
Его не легко перенести...

Сказала:
— Чтоб сразу...
Чтоб сразу...
Увидел ты все, что ни есть.

Чтоб не было места укорам,
Что встретил меня не в раю... —
Мы вышли к мосту, на котором
Оставил я надпись свою.

Сказал,
Что слова не сотрутся
Под ливнем, какой бы ни шел.
Сказал, что герои вернуться,
Что будет опять хорошо.

Сказал,
Что они не забыли

Крестьянскую сладость труда...
И слышу:
— Они приходили...
Ушли, не оставив следа...

Нахмурила строгие брови,
Продолжила с болью она:
— Ты прав, приходили герои,
Мы видели их ордена...

Ты прав, они храбро сражались
И кровь проливали не раз...
Там смерти они не боялись,
А здесь, о себе лишь печалась,
В заботах оставили нас.

Я понял:
У женщины право,
У женщины высшая власть.
О женщины!
Русская слава
Под сердцем у вас зачалась.

Красавицы русских селений,
Из вас поклонюсь я любой
За то, что судьба поколений
Становится вашей судьбой.

Я слушал упреки подруги,
Целуя под аркой моста
Ее грубоватые руки,
Сказавшие правду уста.

4

Казалось мне,
Что воздух пашен
Меня, пришедшего, обмыл.

Я чище сделался и даже
Еще влюбленнее, чем был,

В свои поля
В простор бескрайный,
Покрытый дымкою слегка,
В неповоротливость комбайна,
Идущего издалека.

Ему легко,
Ему просторно!
И, чувствуя земную дрожь,
Волнуясь, перед ним покорно
Склоняется густая рожь.

Он движется
Все торопливей,
Врезаясь в голубой проем.
Он тонет в золотом заливе
Необычайным кораблем.

* * *

Сердце мое отвердело,
Руки окрепли в боях.
Нас оторвали от дела
На неоглядных полях.

В темножелезные ночи
В дальней немецкой стране
Стали мы, нет, не жесточе...
Дайте рукою рабочей
К миру притронуться мне!

* * *

Мотор движения просил
Настойчиво, до дрожи страстно.
Все сорок лошадиных сил
Вдруг двинулись вперед согласно.

Комбайн, качаясь, описал
Широкий круг.
Без возраженья
Нескошенная полоса
Попала в наше окруженье.

Мне слаще музыки был звук,
Которого давно не слышал.
Чем уже становился круг,
Тем солнце опускалось ниже...

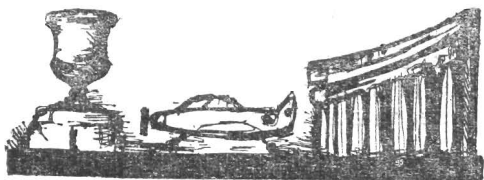
И ночью
Явно неспроста,
Над головою нашей свесясь,
Выглядывал из-за куста
Наш с Машею
Медовый месяц.

На терпком аромате трав
Настоян был горячий воздух.
Как прежде, голову задрал,
Гляжу на марьевские звезды.

Не надо б,
Но глаза косят,
Глаза глядят — не наглядятся...
Мое хозяйство!
Пусть висят —
Я ж говорил, что пригодятся.

1946

ЛИРИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Где началось,
В какие сроки
Завязывался узел тем?
Когда и как твердели строки
Моих лирических поэм?

Была зима.
На город падал
Тяжелый снег.
А время шло...
Был день, когда из Ленинграда
Пришел последний эшелон.

И сердце, как оно забилося,
Когда среди густой толпы
Мне бледное лицо явилось
Моей кочующей судьбы!

И грудь, —
О, как она вздохнула! —
Необычайное сбылось.
В ней что-то двинулось,
Толкнуло
До крика, —
Так и началось!

О НЕЕ

Не вынес я тоски недель...
По улице, опять преградой,
Метет, метет, метет метель,
А мне тебя увидеть надо.

В сугробы снега и лога,
Косматой буре на рога
Бегу — навстречу вихрей стадо.
Заполонило белый путь,
Ударило...
Что будет — будь.
Но мне тебя увидеть надо.

Вот клуба снежное крыльцо...
Увидеть, одолев преграды,
Глаза твои, твое лицо
Во что бы то ни стало
Надо.

А на висках две жилки бьются,
Две жилки бьются...
Любовь кричит: как поступить?
Переступить или вернуться?
Переступить или вернуться?
И решено — переступить!

* * *

О, музыка!
Слепой подкоп
К душе взволнованной...
Не надо
Идти куда-то далеко,
Чтоб оказаться с милой рядом.

Высок балкон...
Вот свет потух,
Не затемняя лишь оркестра,
Мой взгляд,
Упавший в темноту,
Разбился о пустое место.

* * *

Все ждут чего-то,
Все молчат,
Тая подобие улыбки.
Вот на колени скрипачам
Уселись маленькие скрипки,
Совсем как дети.
Зал притих.
Напев смычка ударом начат.
Кричу:
— Зачем вы бьете их?!
Не бейте их, они заплачут!..

Я нехотя закрыл глаза,
Когда, откинувшись крылато,
Маэстро резко приказал
Наказывать невинноватых.

Но вдруг
Из глубины наверх,
Его велению послушен,
Летит необъяснимый смех,
Летит с эстрады
Прямо в душу.

То листьев шум,
То резкий треск,
В надломе веток — брызги соков;
То лебедей ленивый плеск

В зеленых зарослях осоки;
То ног босых звучат шаги
Над мягкою прибрежной глиной;
То зыбкие круги, круги
Под резкий всполох лебединый...

Воображенью нет границ.
Ведь это я лесной тропею,
Прилетных вспугиваю птиц,
Пришел, как в сказке,
За тобою.

Как будто
В приступ доброты
Волшебной палочкой взмахнули,
Чтоб все вернуть.
Но где же ты?
Тебя-то мне и не вернули!

* * *

Как пламя яркого огня,
Не потухающего вечно,
Ты мне нужна не для меня,
Нужна ты истине сердечной.

Когда-то у родных полей
Я тайну о тебе подслушал.
Напев о красоте твоей
Запал в ребяческую душу.

Тогда к деревьям у пруда
Я обращался с горькой речью:
«О, неужели никогда
Я на земле ее не встречу?!»

Тогда с тревогою к воде
Я подходил как можно ближе:

«О, неужели же нигде
Ее лицо я не увижу?!»

Я в поисках провел года,
Переходя через утраты.
О, неужели никогда
И не поймешь ты,
Как нужна ты!

Нужна, как воздух для огня,
Чтоб не погас он скоротечно,
Нужна не просто для меня —
Ты истине нужна сердечной.

* * *

Зал без тебя
И пуст и незнаком.
Как будто зная о моей обиде,
Ты прошумела легким ветерком,
Чтоб я тебя,
Желанную,
Увидел.

Где ты была?
Откуда ты взялась?
А сам стою, не смея оглянуться.
Ты от моей души оторвалась,
Чтоб все пройти
И вновь ко мне вернуться.

* * *

И сразу чем-то полевым,
Забытым на сердце пахнуло.
С плеча ее, как легкий дым,
Сползала шаль на спинку стула.

Поношенная бахрома
Напоминала злые зимы.
Любовь, как музыка сама,
Словами мало выразима.

Большие
Звездные глаза,
Гася ресницами мерцанье,
Уже осматривали зал,
Наполненный рукоплесканьем.

Вот локон темный отвела
С лица
В бледнеющем отливе,
Откинулась и поплыла
То медленней,
То торопливей...

Она проходит.
Я стою
И чувствую, что стало душно.
Взглянула в сторону мою
И отвернулась равнодушно.

Но, даже залитый стыдом,
Я все чего-то жду упрямо.
Взглянула только...
А потом
Прошла —
И кончена программа.

* * *

Без тебя,
Без ушедшей,
Остались со мной

Лишь утраты.
Я почти сумасшедший...
Вот до чего довела ты!

* * *

Любовь к тебе,
Стыдясь, не спрячу.
Что ж, если сможешь — отбери!
Своей поэзии незрячей
Я брал тебя в поводыри.

Но незаслуженной обиде
Теперь надолго в сердце тлеть.
Я так хотел тебя увидеть,
Что смог и без тебя прозреть.

Но долог путь,
Тоска сильнее, —
Кто знает, может, до седин...
Мне будет без тебя труднее,
Пойми!..
Ведь я пойду один.

Иду с надеждою на встречу...
В мое лицо,
В глаза,
Как в цель,
Стреляя белою картечью,
Метет,
Метет,
Метет метель...

А вдруг придешь
И встанешь близко,
Уже спокойна и тиха,
Как равнодушная приписка
К моим взволнованным стихам.

НА ГЛУБИНЕ

Прости за то,
Что я не смог
Писать по линиям,
Что прямы, —
Ты видишь начертанья строк
Неровных и кривых, как шрамы.

Не отвергая,
Все прочти.
Душа окрепла, стала гибкой;
Она сумела прорасти
Сквозь горе радостной улыбкой.

* * *

На город мой
Опять парадом,
Под злое карканье ворон,
Плывет небесная армада,
Плывет железная,
И он
Насторожился.
Где спасенье,
Когда, сводящие с ума,
За потрясеньем потрясенье
Она бросает на дома?

То молний
Красные зигзаги
Пронзают край подземных круч;
То, словно траурные флаги,
Свисают клочья черных туч.

Она плывет
Над новой целью,

Она плывет. Пощады нет.
Настала ночь,
Но в подземелье
Спасительный зажегся свет.

* * *

Передо мной
Подземный ход,
Ступени вниз — входить бы надо...
Стою у заводских ворот
Под натиском дождя и града.

Казалось,
Каждый миг грозил.
По телу пробежали токи
Глубоких потаенных сил, —
Но я стою, читая строки:

«Перед тобою цех.
Ты в нем
Испытан будешь, — не легко там! —
На твердость долгую — огнем,
На прочность — временем и потом,
На верность — мукою».

И вот
Незримо кто-то дверь раздвинул,
Тихонько подтолкнул вперед
И надолго меня покинул.

В сиянье электроогня,
Сутуля старческие плечи,
Встречает у ворот меня
Начальник цеха:
— Добрый вечер!..

* * *

Со ступеней на мрамор плит
Струился отблеск розоватый,
И я спросил:
— Что там гудит? —
А он сурово:
— Век двадцатый.

И рокот стал еще грубей!..
У потолка, взлетевший шустро,
Ошеломленный воробей
Цеплялся лапками за люстру,
Затрепыхался и повис...
Лети за мною, птица-вестница!

Я сделал шаг,
И мы поплыли вниз
На темноватом гребне
Узкой лестницы.

Припоминалась тишина метро,
Блеск мрамора,
Не омраченный тенями.
А здесь за мной
Под музыку ветров
Война сползала
Теми же ступенями.

Уже внизу,
Где я стоял,
На плиты грянул свет картечью.
— Что впереди?
— Судьба твоя! —
Так надо же идти навстречу!..

* * *

И я пошел.
Какой простор
Скрывали узкие ворота!
Передо мной ревел мотор
Невиданного самолета
Так яростно, что я едва
Мог разобрать станков погудки...

Она шла мимо.
— Кто?
— Вдова...
— Давно?
— Пошли вторые сутки.

О как же быстро угасал
Тот яркий золотистый локон!
Когда-то синие глаза
Глядели как бы издалека.

Но мнилось,
Здесь на глубине
Ее глаза, со мной встречаясь,
Через туманы шли ко мне,
Все шли и шли,
Не приближаясь.

— Вот мы и встретились с тобой.
Ты — все такой, а я повяла... —
И отрешенно повторяла: —
Ты — все такой, ты — все такой...
Скажи, чем жизнь оборонить,
Каким трудом,
Каким гореньем,
Чтоб навсегда похоронить
И войн
И болей повторенье?..

— Такое горе не пройдет!
Она навек затосковала...
Ты понял, что ее гнетет?
Ты слышал, что она сказала?

Мой спутник принялся ворчать:
— Подумай, да ответ неси ей.
А ведь на это отвечать
Всем миром надо,
Всей Россией,
Да так,
Чтобы ответ был крут,
Упруг и прочен, как пружина.
Я лично верю только в труд,
В труд и металл.
Нужна машина!
Ты самолету отдаешь
Все для того,
Чтобы взлетел он.
И потому он так хорош.
А знаешь, из чего он сделан?

Блестя,
От нас недалеко,
Стоял тот в солнечном металле.
— Все кажется — из пустяков,
Из хрупких, крохотных деталей,
Но мысль конструктора прошла,
Все оглядев и все потрогав,
И каждая деталь нашла
Свою великую дорогу.

Так в каждом,
Кто себя найдет,

Кто посмотреть вперед решится,
Все неживое — отпадет,
Все лишнее — отшелушится.

* * *

От купола
За белый круг
Перепорхнул и закружился
Мой маленький крылатый друг.
— Смотри, да он, никак, прижился
И вьет гнездо?
Ну, впору, вей!

Над радугой
Спиральных колец
Ловчился серый воробей —
Мой превеликий чудотворец.

«Чего-чего, — шумит, — я мал!
Чего-чего!..»
Взмахнул крылами,
Перевернулся и поймал
Он стружку яркую, как пламя.
Понес в гнездо.

И даже сон
Не каждому такой приснится:
Под куполом казался он
Какой-то сказочной жар-птицей.

* * *

Шурша разводами колес,
Ведущим новой эскадрильи
Наш «Як» торжественно пронес
Свои размашистые крылья,

Где надпись просто, без прикрас,
Мне говорила лучше оды,
Что этот фронтовой заказ
Получен был от пчеловодов.

А рядом,
К золотым словам
Приглядываясь оком древним,
Шагал неторопливо сам
Военный атташе деревни.

— Спасибо, детки, за труды,
Спасибо!.. Не видал такое!.. —
И луч библейской бороды
Свивал дрожавшею рукою.

— Машина эта — в самый раз.
Таких бы нам теперь поболее!.. —
Из-под бровей не видно глаз,
Но ясно, что старик доволен. —
Когда б еще была пчела
Здесь нарисована...
Смекнули?!
Чтоб, значит, знала немчура
Про необыкновенный улей!
Начнут враги атаковать,
А нашу марку тут и видно!..

— Дед, кровное-то отдавать,
Поди ведь, как-никак, обидно?

Взглянул из-под седых бровей
И чуть ворчливо:
— За два года
Я, дитяtko, трех сыновей
И десять внуков
Миру отдал.

* * *

Дыханием горячей страсти
Обдав чешуйки-кирпичи,
Открылось чрево
В красной пасти
Проголодавшей печи,
И, губы
Стоязыко тронув,
Мне высказала нрав крутой,
Подобно алчному дракону,
Не утоленному едой.

Глотает жадно:
Мало! Мало!..
Уже давно потерял счет
Брускам холодного металла.
Она все дышит:
Дай еще!..

Она все просит:
Мало! Мало!..
На брусья, взятые валком,
Из чрева пламя набегало
Чуть розоватым молоком.

Уже дымятся рукавицы,
На пальцах — иглы теплоты...
И, словно в сон, приходит рыцарь,
Приходит он из темноты.

Движения резки и грубы,
Казалось, презирая зной,
Он вырывал дракону зубы,
Сверкающие белизной.

А сталь кидало в белый холод,
А сталь бросало в ярый жар,

Под сокрушительный удар,
Под черный многотонный молот.

Он твердил:
«Ты такая! Такая!
И спасу, и пять раз погублю.
Не за твердость тебя упрекаю —
Я за твердость тебя и люблю».

И гуляли вокруг лихорадки,
Все двенадцать сестер,
Будто встарь,
И трясли в заведенном порядке
Добела накалившую сталь.

* * *

Часы идут,
Часы бегут,
Часы летят...
Рубаха прееет.
Твердит боек:
«Ты тут, ты тут.
Спешу, спешу.
Там ждут, там ждут...»
— Товарищ, подавай быстрее!

Напарник поглядел в глаза мои,
Заметил, словно невзначай:
— Ты, брат, сегодня на экзамене,
Смотри, того... Не подкачай!..

В глазах рябит.
Который час?
Не вижу...
Мой напарник рядом:
— Мне это — что!

Вот помню, раз,
Над Волгою,
Под Сталинградом...

А сам стоит и улыбается,
Мне странную ладонь дает:
— Тебе пятерка полагается,
А у меня недостает...

* * *

Я дни и ночи пробыл тут.
Идем на свет.
Когда б вы видели,
Сказали бы, что так идут
Из первой битвы победители.

Туда, где заревел мотор,
Ведет нас путеводный вектор.
Минуем узкий коридор,
Проходим дальше,
Где прожектор
Огромным пауком повис,
Притянутый за лапы блоком,
Без усталости смотрящий вниз
Единственным молочным оком,
Прозрачно-белым, неживым...

Когда мы оказались рядом,
Он мерил глубь сторожевым,
Все время неподвижным взглядом.

Скажи, не ветер ли качнул
Лучей протянутые нити?
— Там самолеты.
Их начнут
Сейчас выкатывать.
Глядите!

И вот,
С туманом вперехлест,
Урча и поводя плечами,
Входил на нерушимый мост,
Вплотную усталанный лучами,
Наш «Як».

Он выводок родни
Вел за собой:
Все «Яки», «Яки»...

И вскоре шли как бы одни
Опознавательные знаки.

* * *

Прожектор двинул белым оком,
Лучами темень прободав.
Я весь пронизан
Страстным током,
Бегущим не по проводам.

Где золотистая пылинка
Летит в луче — не удержать,
Где каждая моя кровинка
Спешит до сердца добежать;

Где отстоялась воля предков,
Готовая отвагу влить,
Где каждая живая клетка
Спешит о жизни заявить.

Я вижу все, что окружает,
И даже вижу, как в беде
Сама победа отражает
Свое лицо в моем труде.

Хотя ни мира, ни покоя
Мой труд еще не отразил,

Но я увидел в нем такое,
Что выше всяких темных сил.

И потому
В бою жестоком
Пощады недругу не дам.
Я здесь пронизан
Страстным током,
Бегущим не по проводам.

ПОЭМА О ДОМЕ

*«Любимая, когда и где мы
Найдем пристанище с тобой?»
Так появилась третья тема,
Заполнившая все собой.*

*Сначала — непонятым комом
Давила на сердце, потом
Я занялся проектом дома —
Любому счастью нужен дом.*

* * *

Котенок, словно ниткой пряжи,
Играет тоненьким лучом.
Игра его — одна и та же,
Ему и горе нипочем.

Смотрю я на его наскоки,
Смотрю и думаю о том,
Как спроектировать высокий,
Необычайно светлый дом.

Пришли назначенные сроки,
Пришли, и стало невтерпеж.

Стоит в моем углу упреком
Мой забракованный чертеж.

Экзамен был, и, помню, некто
В неудовольствии большом
Мои красивые проекты
Перечеркнул карандашом.

Никто не проявлял участия.
Никто!
Все чертежи в тот миг
Я мог бы разорвать на части,
Боясь вещественных улик.

Но я остался с ними — весок
Был свиток всех моих обид.
Он, словно дерева отрезок,
Что белой берестой обвит.

Как незапамятную давность,
Развертываю на листе
Отображенную туманность
Упрямых творческих страстей.

Остановился на изломе
И думаю: пора решить,
Что будет, если в этом доме
Она не согласится жить?

Так для кого ж,
Себя спросил я,
Так для кого же строю я?
Он и высокий и красивый,
Но по всему — не для жилья.

Как по заснеженной долине,
На белом ватмане, вразброс

Метался вихрь забытых линий...
Трескучий северный мороз
Коробил широту проекта.

Я наклонился над листом,
Где некогда суровый некто
Перечеркнул тот вихрь крестом;
Где украшением портала
Колонна, не страшась высот,
Гиперболически взлетала
Под сказочно-хрустальный свод.

Но все, чем он был изукрашен,
Мне говорило об одном,
Что для такой любви, как наша,
Я должен строить новый дом.

То, что отцу всего дороже,
Передается сыновьям...
Хочу воздвигнуть непохожий
На тот, в котором вырос я.

Хочу, чтоб отдохнули шеи,
Что потолком утомлены
В подземных улицах войны,
В ее землянках и траншеях.

Но прежде чем коснуться камня
Искрометательным резцом,
Любимая душа нужна мне,
Что станет чистым образцом,
Который новый мир покажет,
Открыв его своим ключом...

А вдруг она на это скажет:
«Ну, что же, строй.
А я при чем?!»

* * *

О, музыка,
Где в каждой гамме
То вознесенье, то обвал...
Крадусь неслышными шагами
По лестнице, где я бывал.

Она, поблескивая тускло
В легко колеблемых лучах,
Легла, как высохшее русло
Большого горного ручья,
Где воды вечность испарила
И только камни сберегла...

Я опираюсь на перила
Руками, как на берега.

* * *

Свободней легкого эфира
Все скрипки,
Да, все до одной.
Звучат напоминаем мира,
Давно порвавшего со мной.

О, как понятна и близка мне
Их тема мудрая о том,
Как выстроить, слагая камни,
Необычайно светлый дом.

Легко настроенные бродят
По неустроенной душе,
Как будто линию проводят
На непонятном чертеже...

Все видим,
Ничего не скроешь.

Надолго потеряв покой,
Ты новый дом зачем-то строишь,
Скажи нам, для какой — такой?
Скажи, мы дом с душою сверим.

Постойте, сам вас проведу —
Любимая сидит в партере,
Вы слышите, в седьмом ряду!..

Ушли, не закрывая двери,
Ушли, огней не потушив,
Чтоб линии мои проверить
По линиям ее души.

Невероятно резкой нотой
Я словно выброшен во мрак!
Почувствовал — неладно что-то...
Все не по-моему, не так!..

Обратно грустными приходят.
Я затаился и слежу,
Как музыка мой дом возводит
В душе моей по чертежу

По старому...
 Все выше,
 выше
Растет он,
 все полней,
 полней!..

— Скорее возводите крышу
С большими башнями на ней!..

Но поздно!
Чей-то голос резко,
Почти в отчаянье кричит:

— Пробейте окна, дайте фрескам
Взглянуть на яркие лучи!

Нет — поздно!
Все уже дрожало.
Колонна, продолжая взлет,
Шатаясь, все еще держала
Мой сказочно-граненый свод.

Беда стряется — придержите!
У окон, с криками — пробей! —
Метнулся в доме пленный житель —
Неуловимый воробей...

Метался он,
Кружился около,
Не выдержал — рванулся вон,
Ударился, да так, что стекла
Заговорили вперезвон.

По убывающей наклонной
Летит на камни и на сталь...
И рушится моя колонна,
Хрустит и крошится хрусталь.

Перемешался крик со стоном,
Стон с криком...
Сердце — на куски!
Разрушен дом.
Скользят над домом
Пылающие языки.

* * *

Что будет —
Все могу принять,
На что-то в сердце опереться

И снова, в сотый раз, понять
Свое непонятое сердце.

Хочу проверить, как звучат
Мои лирические строчки.
А в голове стучат, стучат
Пронзительные молоточки:
«Зачем пришел?
К чему пришел?»

Я к ней вернулся, я ликую.
Вам все равно, а я нашел,
Любимую нашел.
Такую
Мне было нелегко найти.

Она вошла спокойно-строгой.
Так захотелось подойти
И недоверчиво потрогать,
Проговориться впопыхах:
«Скажи открыто, что не лгу я, —
Все думают, что ты в стихах,
А я нашел тебя живую».

Переменилось что-то в ней,
Не понимаю только — что же?
Глаза ли, ставшие темней,
Иль брови, поднятые строже.

Я вопросительно взглянул
И понял вмиг, что буду снова
У прежней робости в плену.
Но что же делать?!
Мне иного
Исхода нет.
Я все поправил,
Не понимая,
В чем спасенье...

«Мой дорогой, но ты не брал
В расчет земные потрясения.
Ты главного не разрешил
В проекте невозможно узком:
Соппротивление души
Все возрастающим нагрузкам».

* * *

О, юность,
Каждому из нас
Ты открывала мир,
И каждый
Все видел только в первый раз,
Все делал только в первый раз,
Не утоляя в сердце жажды.

Любили только в первый раз —
Мы ничего не повторяли, —
Случилось — мы в тяжелый час
Друзей любимых потеряли.

Случилось так.
Покинув нас,
О, юность, нам оставь ту жажду —
Смотреть на все,
Как в первый раз,
Все начинать,
Как в первый раз,
Не повторив ошибок дважды.

* * *

О, музыка,
Где в каждой гамме
Напоминание о том,
Как возвести, слагая камни,
Ничем не разрушимый дом.

Такой, чтоб он,
Как бы в рассвете,
Живыми гранями возник.
Они звучат, как бы ответить
На главное хотят они.

«Иди за нами.
В отдаленье
В торжественно-прекрасном дне
Есть радостное примиренье» —
Так скрипки говорили мне.

Светало,
Солнце ли всходило
На темно-голубой экран —
Заря рассеянно цедила
Легко спадающий туман.

Такого дивного вовеки
Не видели глаза ничьи.
Спокойно разливались реки,
К разливу звонкие ручьи
Бежали по траве лугами,
Наперебой, как сорванцы,
Чтоб радостно найти губами
Золотоносные сосцы.

Деревья, точно исполины,
Вдруг увидавшие простор,
В темно-зеленые долины
Сходили с белогривых гор.

В народе шла Она.
Я с места
Рванулся по ее следам...
Но ту, что называл невестой,
Я больше не увидел там.

Мне скрипка шепчет: «Доведу я,
Пойдем, чего же ты притих?»
— Нет, чувствую, что не найду я
Любимую среди других!

И скрипки подтвердили хором,
Уже спокойно, не спеша:
«Ты видишь целый мир,
В котором
Невидима ее душа».

И растерялся я:
Да где я
Найду потерю?
Что скрывать —
Другой любовью не владею,
Не знаю даже, где и брать.

И вдруг увидел, как, ликуя,
Подобно всплеску чистых вод,
Любовь огромную, иную,
Как знамя, поднимал народ.

«Бери! Ты заслужил страданьем,
Бери, но позабуди покой —
Построй нам города и зданья,
Достойные любви такой».

Строй выше,
Чтоб не гнулись шеи,
Что до сих пор утомлены
В подземных улицах войны,
В ее землянках
И траншеях.

Грудь необъятное вдохнула —
Давно желанное сбылось.

В ней что-то двинулось,
Толкнуло
До крика —
Так и началось!

* * *

Мой дом поднимется красиво, —
Попробуйте потом сличить
Все, что душа моя просила,
С тем, что сумела получить.

Попробуйте детально сверить.
Устрою так, чтобы всегда
В него открыты были двери,
Пусть и Она войдет туда.

Но, повода не подавая
Для разговоров обо мне,
Она войдет, как рядовая,
Войдет с другими наравне.

Быть может, и вздохнет глубоко,
А если не вздохнет, так что ж!..
Передо мной лежит упреком
Мой забракованный чертеж.

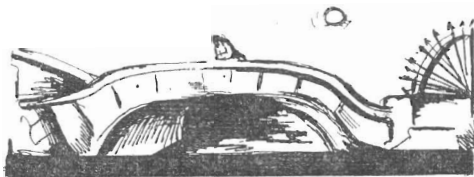
Как по заснеженной долине,
На белом ватмане,
В наклон,
Шумит почти забытых линий
Неутихающий циклон.

«Пора проститься мне с тобою...»
Обрывки старых чертежей
Покачивались скорлупою
Отшелушившихся идей.

В душе,
Еще не утомленной,
Наметив светлый перелом,
Птенец мечты, чуть оперенный,
Слегка пошевелил крылом...

1943—1945

ДАЛЕКАЯ

Права любви
Да будут святы.
Настроенный на этот лад
Все девять лет,
Я на десятый
Решил поехать в Ленинград.

Я поклонился Ленинграду
И предъявил законный иск
За девушку, что в дни блокады
Он отсылал в Новосибирск.
Скажу, в детали не вдаваясь,
Вам, ленинградцы, не в упрек,
Что я, и бедствуя и маясь,
Ее, красивую, сберег...

Шли дни.
Закончив подвиг ратный,
Еще горячий от огня,
Ваш город взял ее обратно,
Точнее — отнял у меня.
Мы можем боль нести годами
И все стерпеть,
Но иногда
Мы ссоримся и с городами,
Когда обидят города.

И вот
Над невскою волною,
Неподражаемо велик,
В час утренний
Передо мною
Предстал любви моей должник.
Еще тогда,
В перронной давке,
Он, хитрый, на моем пути
Поставил будочку Горсправки:
Мол, так легко ее найти.

И, отсылая к доброй даме,
Он знал, что та меня убьет
Обыкновенными словами:
«У нас такая не живет».
Мне объясняют осторожно...
Нет, нет! Не надо объяснять,
Что девушкам совсем не сложно
Свои фамилии менять.

Зашел я в первый переулок
И, глядя на дома, стою...
В какой из каменных шкатулок
Ты скрыл жемчужину свою?
Скажи, куда заставил деться,
Ответь мне, за какой стеной
Стучит загадочное сердце,
Так и не понятое мной?..

И слышу:
Из соседней улицы,
Где люди толпами снуют,
Рояль и скрипки, как союзницы,
Мне тихий голос подают.
Хотят судьбу мою улучшить,

Совет спасительный мне дать:
Ходить под окнами и слушать —
Она не может не играть.

* * *

Она не может не играть,
Задумавшись, она не может
Наш снежный край не вспоминать
И трудный срок,
Что с нами прожит.
И я ведь тоже берегу
И в памяти несусь сквозь годы
Костры на голубом снегу,
Где в холод
Строились заводы.

Она могла не полюбить
Немую строгость наших елей,
Но те костры,
Но плач метелей
Она не может позабыть.

Льет дождь,
Он хлещет по лицу,
Плащ мокрый
Липнет к мокрым брюкам.
Две ночи
От дворца к дворцу
Шагаю Невским,
Чуткий к звукам.
Рояль заслышу и бегу,
А где-то
Новый завлекает...
По звукам рассказать могу,
Кто,
Где,

Когда
И как играет.

Вот эта:
До чего ж юна!..
Рыбешкой в чешуе нарядной
Все хочет вглубь,
А глубина
Выносит, легкую, обратно.
Отчаясь в глуби заглянуть,
Она без муки повторенья
Спешит на солнышке блеснуть
Своим красивым опереньем.

А этот
Все постиг уже
И, неприступный и холодный,
На самом нижнем этаже
Живет, как сом глубоководный.
Там воды тяжки и темны,
Но с ними нелегко расстаться...
В нем сердце может разорваться
От недостатка глубины.

* * *

Весь город утопал в закате
Необычайной густоты,
Застежками на синем платье
Темнели невские мосты.
Без позолоченных уборов,
Забыв о боге вспомануть,
Клонились головы соборов,
Чтоб на красавицу взглянуть.
Великий Петр,
Перед рекою
Вздымая дикого коня,

Грозил им медною рукою,
Осатанев: «Она — моя!»

Лишь я,
Уставший от исканий
И от мелодий, чуждых мне,
Без этих царских притязаний
Свой взгляд покоил на волне.
Катились волны еле-еле,
Но плеск их был притворно тих...
Вот так прошли,
Отшелестели
Все лучших девять лет моих.

И снова к ней душа стремится,
Как будто я в горячке дней
Забыл как следует проститься
С ушедшей юностью моей.
Не нарушая горькой думы,
Еще дремотней, чем волна,
В привычные для слуха шумы
Вплелась мелодия одна.

Родившись где-то за стеною,
Она, чуть слышимая мне,
Пришла как будто не за мною,
Бродила долго в стороне.
Сидел
И слушал и не слушал,
Но, как бывает только в снах,
Она вдруг захватила душу
И сердце понесла в руках.

Другие звуки налетели —
Как пленник шел я в их кругу,
И вот почудились метели,
Костры на голубом снегу.

И те костры, со мной блуждая,
Вели куда-то вдоль Невы...
Подъезд...
И здесь,
Чуть-чуть зевая,
Лежат египетские львы.

Я подошел,
Стою на месте,
И львы ленивые лежат.
Что — честь ее или бесчестье
Они, слепые, сторожат?
А было,
Я не сомневался,
Не отравлял мне душу яд,
Когда вот так же поднимался
К любимой
Девять лет назад.

* * *

На меня удивленно глядит
Глазами широкими,
Будто знала, что был я убит,
Будто знала, что был я зарыт,
И, как многие многими,
Был за давностью ею забыт.
С огоньками-зарничками
Вижу те же глаза и не те...
Будто кто-то шалит в темноте
Отсыревшими спичками.

Как прежде, при встрече
К груди не прижат.
Вот и рядом, а так далека!..
И губы дрожат,
И ресницы дрожат,

И дрожит золотая серьга...
Даже соболя
Тронула легкая дрожь:
На плечах удержаться не мог.
На огонь потухающий
Был он похож,
Чуть заметный сквозь сизый дымок.

Преодо мной
Распахнулась сибирская даль,
Где мне встретилось горе мое,
Мне припомнилась
Старая-старая шаль,
Согревавшая плечи ее.
Образ тот
На тяжелом стальном полотне
Девять лет я алмазом врезал.
А она:
Дескать, кто вам сказал обо мне?..
Кроме сердца,
Никто не сказал!..

Удивляешься?
Полно!
С любовью моей
Было просто тебя подстеречь.
Так охотник
По следу прошел соболей,
Что твоих удостоены плеч.

...Представь себе, в глуши лесов
Нет соболиных адресов.

Там соболь по снегу петляет,
Потом, глядишь, найдет дупло.
И если только в нем тепло,
Он прячется и отдыхает.

Охотнику не шлет он весть
Ни прямо почтой, ни окольно...
Охотник знает: соболь есть —
И этого уже довольно.

И ест охотник на бегу,
И засыпает на снегу.

Зверь то внизу,
То в темной кроне
Среди разлапистых ветвей...
В тяжелом поиске, в погоне
Проходит много-много дней...
Когда усталый зверь в пути
Между корягами забьется,
Охотник ставит сеть.
К сети
Подвешивает колокольца.

Трещит мороз, и снег идет.
Охотник ждет, и соболь ждет.

Ночь...
Зверю мнится: нет засад...
И раздается звон, похожий
На тот, что полчаса назад
Вдруг зазвенел
В твоей прихожей.

Охотник тот настойчив был,
Чтобы твои украсить плечи...
А он тебя ведь не любил
И не мечтал, как я, о встрече.
Ему от чьей-то красоты
Ни сладко не было, ни больно...
Я знал, что в Ленинграде ты, —
И этого уже довольно.

* * *

Свое достоинство храня,
Как с гостем говорит случайным,
И за столом
Сервизом чайным
Отгородилась от меня.

Заводит речь о жизни райской,
О безупречности своей,
О муже...
И фарфор китайский
Как бы поддакивает ей.

И я заметил на стене:
Добавкою к семейной притче
Из рамки улыбался мне
Семьи удачливый добытчик.

Безделицами окружен,
Которым так легко разбиться,
Задумчиво, как умный слон,
Сижу, боясь пошевелиться.
Ее оглядывая «рай»
И прошлое припоминая,
Прошу доверчиво:
— Сыграй!..
— О нет... Давно уж не играю!.. —
И, чтоб упрашивать не стал,
Лениво повела рукою...

«Но кто же, думаю, играл,
Но кто же бредил здесь пургою?..
Чьи руки воскресить сумели
Те ночи давние, те дни:
Непотухавшие огни,
Незатихавшие метели?»

А в это время из дверей,
Где лак рояля засветился,
Несмелый мальчик вышел к ней
И, сделав шаг, остановился.
В лице незрелой красоты
Слились, сплелись,
Как звуки в гамме,
Ее красивые черты
С чужими смутными чертами.

И понял я
Сознанием всем:
Меж нами
В маленькой квартире
Легло пространство
Больше, чем
От Ленинграда до Сибири.

Опять далекая!..
И жаль,
Что даже не с кем
Мне проститься:
Той девушке, носившей шаль,
Здесь не позволят появиться.

А что без той любовь моя?..
Безрадостна и сиротлива!..
Дверь...
Лестница...
Очнулся я
На жестких космах
Львиной гривы.
Мои ли тронули слова,
Но плакал зверь,
Большой и грозный.
Я видел, как по морде льва
Катились каменные слезы.

Себя в дороге веселя,
И так беспечно,
Так не к месту
Пел кто-то, подходя к подъезду:
«Тру-ля-ля-ля!.. Тру-ля-ля-ля!..»
При встрече,
Сделав поворот,
Успел заметить я,
Что это
Беспечно трулюлюкал тот,
Глядевший у нее с портрета...

* * *

Рассвет.
Еще улицы немы,
И город в безмолвии строг...
Он, как пушкинская поэма,
Из которой не выбросишь строк,
Окна
Моют светлые блики,
Мне же с **глаз** моих
Ночи не смыть...
Вот и утро,
О, город великий,
Ты проснулся — давай говорить.

Как мне быть?
Если, горем согнут,
В суд приду я с болью своей,
Мне **суды** твои не помогут,
Нет у них подходящих статей.
Я приехал
Из дальней дали
И уеду, о том скорбя,
Что ее у меня **украли**...
Но украли и у тебя!..

И не думаю, что случайно
В тот же миг за моей спиной
Засмеялся звонок трамвайный —
Ну, конечно же, надо мной.
Дескать,
Эй, оглянись, прохожий!
Так и замер я на мосту
Перед девушкой похожей
На потерянную мечту.

Вышла,
Словно ее и ждали,
Еще сонная поутру,
В той же кофточке,
В той же шали,
С прядкой, вьющейся на ветру.

И любовью той же любима,
Той же песней увлечена...
Но уже,
Пробегая мимо,
Не признала меня она.

1954

ПРИМЕЧАНИЯ

В книгу «Человек», составленную из произведений раннего периода творчества В. Д. Федорова, вошли стихи и поэмы, опубликованные в первых сборниках поэта «Лирическая трилогия», «Марьевские звезды», «Лесные родники», а также произведения, которые сам поэт включал в более поздние сборники, но написанные до 1954 года.

В. Д. Федоров не датировал своих стихотворений, из-за чего установить точную дату создания того или иного стихотворения часто невозможно. Поэтому в книге указаны годы жизни поэта, в которые были написаны стихи, включенные составителем в данный раздел.

Такие стихотворения, как «Муза» и «Человек», полностью переработанные поэтом в зрелые годы, публикуются в настоящем сборнике в ранних вариантах, также представляющих, на наш взгляд, немалый интерес. Окончательные их тексты приведены в примечаниях. Полагаем, что читателю будет небезынтересно сравнить, как подходил поэт к решению этих тем на разных этапах творчества.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Муза (стр. 40). Ниже приводится окончательный вариант стихотворения.

В деревне
Пустовали гумна.
Лицом смугла и темно-руса,
По зреющим полям бездумно
Бродила марьевская Муза.

Был зной.
Трава от зноя вяла.
Полями, тропами лесными
Брела и землянику мяла
Она подошвами босыми.

И останавливалась часто,
И снова шла...
В разгаре лета

Среди таких, как я, вихрастых,
Искала своего поэта.

Быть может,
И прошла бы мимо,
Но рожь, стоявшую стеною,
Раздвинула, еще незрима,
И наклонилась надо мною.

С тоскою глядя, ворожила...
Меня в мое девятилетье
На чуткость испытать решила —
И, чуткий,
Я ее приметил.

Стояла
Скорбная такая!..
Вперед как будто поглядела
И, на тревоги обрекая,
Уже заранее жалела.

Миг —
Что зерно.
Вся жизнь в том миге.
В глазах печального свеченья
Легко, как по раскрытой книге,
Прочел я тайну обреченья.

«Мир повстречает новостями,
Но ты полюбишь эти земли,
Душою.
Телом
И костями
Почувствуешь ржаные стебли.

По жизни всей — до поседенья,
Ты пронесешь в душе пытливей
Мучительное изумленье
Судьбой крестьянки
Терпеливой».

И вот
Глаза уже иные:
«Дитя земли и революций,
В тебя все радости земные
Одною радостью вольются.

Дитя голодного сусека,
От всех невзгод
Возьмешь ты долю;
Дитя мечты,
Все боли века
Войдут в тебя одною болью.

На все обиды и утраты
Гляди, преодолев страданья,
Как на торжественную плату
За свет
Душевного познания.

Ты больше всех
Меня полюбишь.
Всю жизнь свою
В любой прохожей
Искать похожую ты будешь,
Но так и не найдешь похожей.

За тяжесть, что тебя не в меру
К земле пригнет
И горем тронет,
Я дам тебе такую веру,
Перед которой
Горе дрогнет».

Не знаю
За какие вины,
Печалью глаз
И губ дрожаньем
Она раскрыла мне глубины
Своих земных переживаний.

Моя крестьянская, босая
Прощально, помню, улыбнулась,
Перед глазами угасая,
Ушла...
И только рожь качнулась.

Все — было.
С головой седую
Играть ли в рифмы,
Как в игрушки?
Все это было за Удую.

У старой
Дедовой избушки.

«Моя забытая тетрадь...» (стр. 41). Сам поэт публиковал только заключительные строки как самостоятельное стихотворение:

Любви и ненависти в дар
Я нынче все отдать поклялся,
Чтоб каждый боевой удар
Ударом сердца отозвался.

Чтоб там,
Где русская верста
Под ноги чуждые упала,
Над тенью черного креста
Звезда России засияла.

Человек (стр. 61). Ниже приводится окончательный вариант стихотворения.

Природа
Не очень спешила
Провидеть свою благодать,
Пока, заскучав, не решила
Себе Человека создать.

Природа
В работе неспорой,
Незримое что-то творя,
Предгорья
Вдвигала на горы,
Бросала моря
На моря.

В горячке,
В бреду,
В наважденье
Земля, потерявшая стыд,
Так мучилась
В корчах рожденья,
Что даже срывалась
С орбит.
Громеда
Кружилась,
Металась,
Глазеющих звезд
Не стыдясь,

Чтоб некая
Малая малость
Однажды живой родилась.

Не смея
В удачу поверить,
Ей некого было спросить,
Как малую малость лелеять,
Как ей
Человека растить.

Чтоб тело
Над миром парило,
Чтоб воды давались, легки,
Она ему крылья дарила,
Кроила ему плавники.

В заботе
И счет потеряла
Периодам,
Эрам,
Векам,
Когда не спеша
Примеряла,
Где быть
И ногам и рукам.

И снова
Дымила,
Чадила,
Крепила,
Чтоб сила была.
Сначала она начудила:
Трехглазым его создала.

И снова
Дышала могучно,
Чтоб свет его жизни
Не мерк.
Рожденный
Вот так многотрудно,
Чем занялся он,
Человек?

Чем?
С первой извилиной мозга
Он стал сучковатым древьем

Губить черновые наброски
Себя —
То, что стало зверьем.

За жизнь
Научившийся драться,
Губил он и рвал на куски
Улики недавнего братства,
Рожденья
Из той же музги.

Как нелюди,
Жившие в сетях,
Едва отойдя от горилл,
Природы нахальные дети
С дубиной
Полезли в цари.

Они
С первобытным пристрастьем,
Уже посягнув на миры,
Царят с превышением власти
С тех пор
И до нашей поры.

Встреча (стр. 92). В черновом варианте стихотворения после строки «Она взглянула на меня!» следовало:

Уже не поражалась бредом
И не была удивлена,
Что я пошел за нею следом,
Не спрашивая — кто она.

Мы шли по улицам, и скоро
Вошли в ее подъезд, в ночи
Гремели цепи и затворы,
Звенели медные ключи.

Стучало сердце...
Стен шатанье
Сознания не могло б лишить.
Хоть миг такого ожиданья
Дай бог еще мне пережить.

Верни мне первое движение

Души, рванувшейся вперед.
Верни мне головокруженье,
Сопровождавшее полет.

Я улетаю в края иные,
Я улетаю на небеса,
А предо мной цвели земные
Ее счастливые глаза.

Я никогда крылатей не был,
Да, не был! —
Сколько ни просил.
Взлетел я на седьмое небо,
А дальше не хватило сил.

Вдруг небосвод упал и треснул,
Приняв торжественно удар,
Я падал медленно и трезво,
Бестрепетнее, чем Икар.

Как море —
Болям и увечью
Она меня не предала.
Волной приподнялась навстречу,
Остановилась и ждала.

Тогда была, не без уступки,
На том поставлена печать,
Что я за все ее поступки
Отныне буду отвечать.

А после
Шагом осторожным
Шагал я рядом как немой,
И показалось так ничтожным
Вначале сказанное мной.

КНИГИ В. Д. ФЕДОРОВА

Библиографическая справка основных изданий

- «Лирическая трилогия». Новосибирск, 1947.
«Марьевские звезды». Новосибирск, 1955.
«Лесные родники». Молодая гвардия, 1955.
«Белая роща». Молодая гвардия, 1958.
«Дикий мед». Советский писатель, 1958.
«Не левее сердца». Советская Россия, 1960.
«Лирика». Гослитиздат, 1961.
«Седьмое небо». Советский писатель, 1962.
«Книга любви». Московский рабочий, 1964.
«Второй огонь». Художественная литература, 1965.
«Третьи петухи». Молодая гвардия, 1966.
Собрание сочинений. В 2-х т. Художественная литература, 1970.
«Наше время такое». Современник, 1973.
«Как цветы на заре». Советский писатель, 1974.
«Книга любви и веры». Современник, 1974.
«Женитьба Дон Жуана». Современник, 1977.
«По главной сути». Современник, 1978.
«Поэмы». Художественная литература, 1983.
«Душа еще полна заботы». Кемеровское книж. изд., 1987.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Жажда все одолевать...». М. Числов 5

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ (1938—1952)

«Имел бы я всеведущий ум пророка...»	12	
Другу 13		
«И мороз, и снег бескрайний...».	14	
Сестре 15		
«Я шел тропой...»	16	
«Когда влюбляются титаны...»	18	
Притча 18		
Море 19		
Корни 20		
К родным местам 22		
«На родине моей...»	23	
«И видел я незримое доселе...»	24	
Алтайский мотив *	25	
«Анна, мне снится...»	27	
«Мы с тобой немного пробежали...»	28	
Облака 29		
«Не знаю, как вы...»	29	
«Судьба подступает со взглядом зловещим...» *	31	
«Не встречаться бы, Оксана...» *	32	
«Когда уйдет она, невольной...» *	32	
«Если б ты тишину...» *	32	
Птичий сад 33		
«Оно как будто на пороге...»	35	
Имя 36		
«Вспоминается детство...»	37	
Испытание 39		
Муза *	40	
«Моя забытая тетрадь...» *	41	
«Как с неба полночного звезды...» *	42	
Другу * («Будь счастлив. Доживи до дня...»)	43	
«Если у лебеда ранят подругу...» *	43	
Свадьба 44		
Агасфер 46		
«Прощай, село!...»	47	
Выбор 48		
«Где плыву? Куда причалю?..»	49	
«Кто б жизнь мою окинул оком...»	50	
«Гляжу я, глаз не отрывая...»	51	

Рыжуха	52	
Следы	54	
«Любовью, гневом сердце мая...»		56
«Я не люблю немые реки...»		56
Қоршун	57	
«Все, что сказал...» *	58	

ВОЙНА И МУЗЫКА (1941—1953)

Война и музыка	60	
Человек *	61	
Письмо *	65	
«Гремела битва, много раз...»		66
Письмо солдата	67	
Завещание	68	
Музыкальный момент	70	
Три жизни	71	
«Их взяли, тронутыми гарью...»		72
Ялта	73	
На берегу	74	
Прощание с морем	76	
«Наш сад похож, когда цветет...»		77
«Я не завидую орлам...»	78	
Слепой	79	
Кандидату *	79	
Город *	80	
«Отцветает тополь...»	81	
Трудовая книжка	82	
Его величество...	83	
Полынь-трава	84	
«Пересохли жаркие ручьи...»		86
Древо жизни	87	
«Учитель через много лет...»		88
Смерть поэта	88	
Мастер	89	
В Ленинграде	90	
«Что пользы вечно мадым пробавляться...»		92
«Среди чужих и неприветливых...»		92
Встреча	92	
«Ты шепчешь, что в моей груди...»		94
«Немало я видел красавиц бедовых...»		94
«Все равно нам с тобою не слиться...»		96
«Радость, нежность и тоска...»	97	
«Как случилось, не заметил...»	98	
Матери	99	

«Я видел: еще до рассвета...»	100	
Сонет	100	
«Бессонница с моей тоскою...»	101	
«Я тебя представляю...»	101	
«Я целовал твое письмо...»	102	
«Найду ли я дорогу на Москву?..»		103
«В своей скитальческой судьбе...»		104
«Если б богом я был...»	106	
«Милая моя, милая...»	106	
Ландыши	107	
«Мне с каждым днем труднее жить...»		108
«До того, как средь множества прочих...»		108
Звезда	109	
«Под крышей чужого закута...»		111
«Еще недавно нам вдвоем...»		111
Пурга	112	
Скульптор	116	
«Когда в печи большого дома...»		118
«Лучше сразу бы сказала злое...»		119
«Я жил — не заметил...»	120	

ПОЭМЫ

Марьевская летопись	122
Лирическая трилогия	138
Далекая	169
Примечания	181

Примечание. Стихи, отмеченные звездочками, публикуются в книге впервые.

Федоров В. Д.

Ф 33 Человек: Стихотворения и поэмы. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 190[2] с. — (В молодые годы).

ISBN 5-235-00533-3

Начало творческого пути известного советского поэта Василия Федорова (1918—1984) пришлось на трудное для страны время. В 1934 году, еще подростком, работая на заводе, начинающий поэт публикует свои первые стихи в заводской многотиражке. В его первые книги («Лирическая трилогия», 1947, «Лесные родники», 1955) наряду с острогражданскими вошли и чисто лирические стихотворения. В его стихах природа неотделима от человека и его труда. Любовная лирика В. Федорова — щемлящая, задушевная, обнаженно-доверительная — широко известна читателям. Предлагаемый сборник знакомит читателя с ранним периодом творчества поэта.

Ф $\frac{4702010202-045}{078(02)-89}$ — 210—89

ББК 84Р7

ИБ № 6304

Василий Дмитриевич Федоров

ЧЕЛОВЕК

Заведующий редакцией Г. Зайцев

Редактор С. Щербанов

Художник О. Плужникова

Художественный редактор Т. Погудина

Технический редактор Г. Варыханова

Корректоры Л. Четыркина, В. Назарова

Сдано в набор 22.07.88. Подписано в печать 02.11.88. А13565. Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 10,15. Учетно-изд. л. 8,0. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 1894.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Суцьевская, 21.

ISBN 5-235-00533-3

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ